

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

хрестоматия

Ответственные редакторы
доктор исторических наук профессор
А.Д. Кузьмичев,
доктор экономических наук профессор
С.К. Никитина

Второе издание



Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2008

УДК 33:94(082)
ББК 65.5
Э40



Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Составители:

раздел I — доцент ГУ ВШЭ, канд. экон. наук *Г.Д. Гловели*,
доцент ГУ ВШЭ (экономический факультет
МГУ им. М.Ю. Ломоносова), канд. экон. наук *Н.А. Розинская*;
раздел II — профессор ГУ ВШЭ, д-р ист. наук *А.Д. Кузьмичев*,
профессор ГУ ВШЭ, д-р экон. наук *С.К. Никитина*;
раздел III — профессор ГУ ВШЭ (исторический факультет
МГУ им. М.Ю. Ломоносова), д-р ист. наук *Л.И. Бородкин*,
профессор ГУ ВШЭ, д-р ист. наук *А.Д. Кузьмичев*,
профессор ГУ ВШЭ, д-р экон. наук *Ю.М. Самохин*

Рецензенты:

профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук проф. *Д.Н. Платонов*;
проректор по научной работе Московской академии предпринимательства
при Правительстве Москвы, д-р экон. наук проф. *О.Д. Кузнецова*

Э40 **Экономическая история** [Текст] : хрестоматия / отв. ред. д-р ист. наук проф.
А. Д. Кузьмичев, д-р экон. наук проф. С. К. Никитина ; сост. Л. И. Бородкин и др. ; Гос.
ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 552 с. —
1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0586-1 (в пер.).

Хрестоматия по экономической истории создана коллективом авторов кафедры экономической методологии и истории ГУ ВШЭ. В ее основе лежит учебный курс дисциплины «Экономическая история» для направления 521600 — Экономика. Аспекты всемирной и отечественной истории рассмотрены в книге через призму экономики. Особенностью хрестоматии является деление курса на три части: две охватывают соответственно зарубежную и российскую экономическую историю до начала XX в., третья — экономическое развитие мира в целом и основных его частей в XX в. Приоритетное внимание уделено закономерностям системных трансформаций и экономическому развитию стран-лидеров в различные исторические периоды, особенностям опережающего и догоняющего развития. Хрестоматия снабжена научно-справочным аппаратом, включающим географический и именной указатели.

Для студентов аспирантов и преподавателей экономических вузов и факультетов, а также всех интересующихся вопросами экономической истории.

УДК 33:94(082)
ББК 65.5

Учебное издание

Экономическая история

Хрестоматия

Второе издание

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова* Редактор *Т.М. Еришова*
Художественный редактор *А.М. Павлов* Компьютерная верстка: *С.Б. Лысков*
Корректор *Г.М. Гапенкова*

Отпечатано при содействии ООО «МАКС Пресс»

Подписано в печать 07.12.2007. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 44,85

Уч.-изд. л. 35,38. Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 949

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3

Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0586-1

© Кузьмичев А.Д., Никитина С.К., предисловие,
именной и географический указатели, 2007
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

Содержание

<i>От составителей</i>	7
<i>Предисловие</i>	8
Раздел I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (до начала XX в.)	
<i>Введение</i>	13
Тема 1. Экономические структуры ранних цивилизаций	
<i>Массон В.М.</i> Эпоха первых цивилизаций	17
<i>Гуляев В.И.</i> Становой хребет месопотамской цивилизации	23
<i>Дьяконов И.М.</i> Имперская древность	28
<i>Кошеленко Г.А.</i> Древнегреческий полис	39
Тема 2. Стабильность и перемены на средневековом Западе	
<i>Блок М.</i> Основные этапы освоения земли	51
<i>Зайцев Е.А.</i> Развитие техники в средневековой Европе	60
<i>Селунская Н.А., Сергеев С.К.</i> «Светлейшая» — Венеция	72
Тема 3. Заокеанская экспансия Европы и формирование мирового рынка (экономический национализм)	
<i>Бааш Э.</i> Подъем и упадок хозяйства Республики Соединенных провинций	78
<i>Норт Д.</i> Институты и экономический рост: историческое введение	85
Тема 4. Промышленный переворот	
<i>Барг М.А.</i> Англия — колыбель капитализма	97
<i>Манту П.</i> Промышленная революция в Англии	104
<i>Бродель Ф.</i> Динамика капитализма	113
Тема 5. Модели перехода к индустриальной экономике	
<i>Гершенкрон А.</i> Экономическая отсталость в исторической перспективе	133

<i>Кондратьев Н.Д.</i> Северо-Американские Соединенные Штаты . . .	142
<i>Норман Г.</i> Становление капиталистической Японии	167
Тема 6. Финансовый капитал и динамика империализма	
<i>Гильфердинг Р.</i> Экспорт капитала и борьба за хозяйственную территорию	185
<i>Парфенов И.Д.</i> Экономика Великобритании и империя	193
<i>Именной указатель</i>	204
<i>Географический указатель</i>	207
Раздел II. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ (IX — начало XX в.)	
<i>Введение.</i>	213
Тема 1. Древняя Русь и торговые пути между Востоком и Западом	
<i>Рыбаков Б.А.</i> Киевская Русь и русские княжества	218
<i>Данилевский И.Н.</i> Власть в Древней Руси. Истоки государственности у восточных славян	229
Тема 2. Особенности землевладения и сословного строя в Российском государстве	
<i>Миронов Б.Н.</i> Крепостное право от зенита до заката: зарождение свободы и частной собственности	243
<i>Костомаров Н.И.</i> Царь Алексей Михайлович	262
Тема 3. Российский меркантилизм	
<i>Шейнин Л.Б.</i> Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I	275
<i>Троицкий С.М.</i> «Система» Джона Ло и ее русские последователи	283
<i>Кулишер И.М.</i> Торговля России с иностранными государствами в XVIII столетии	287
Тема 4. Великие реформы и особенности российской индустриализации	
<i>Гэтрелл П.</i> Значение Великих реформ в истории экономики России	293
<i>Туган-Барановский М.И.</i> Русская фабрика в прошлом и настоящем	304
<i>Бовыкин В.И.</i> Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России. 1861—1900 гг.	315

Тема 5. Российская экономика и мировое хозяйство

<i>Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.</i> Государственное хозяйство как основа укрепления национальной экономики. «Система» С.Ю. Витте	321
<i>Бовыкин В.И.</i> Иностранное предпринимательство в России . . .	348
<i>Грегори П.</i> Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста	356

Тема 6. «Проклятый» аграрный вопрос

<i>Миронов Б.Н.</i> Сельские и городские общины	370
<i>Давыдов М.А.</i> О статистике землеустройства в России (1907—1913 гг.)	384
<i>Туган-Барановский М.И.</i> Социальные основы кооперации	408
<i>Именной указатель</i>	416
<i>Географический указатель</i>	419

Раздел III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

<i>Введение</i>	425
---------------------------	-----

Тема 1. Военный коммунизм и нэп в Советской России

<i>Мау В.А.</i> Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством в России	430
<i>Сокольников Г.Я.</i> Денежная реформа 1924 года	438
Денежное обращение на протяжении революционного десятилетия.	443

Тема 2. Мировая экономика в первой половине XX века

<i>Дидерикс Г. и др.</i> От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния.	447
<i>Простаков И.В.</i> К истории корпоративной организации капиталистической экономики: пример Италии	453

Тема 3. Мировая экономика после Второй мировой войны

<i>Ведута Е.Н.</i> Бреттон-Вудская валютно-кредитная система и восстановление конвертируемости валют стран Западной Европы	459
<i>Ван дер Вее Г.</i> Экономический рост — лейтмотив политики правительств	464
<i>Тьюгендхэт К., Гамильтон А.</i> Нефть. Самый большой бизнес. . .	477

Тема 4. Различные модели смешанной экономики и государства благоденствия

От замыслов к реальности. Немецкое «экономическое чудо» Людвига Эрхарда.	485
--	-----

Тема 5. Советская экономика: противоречия и проблемы развития

<i>Бородкин Л.И., Эрци С.</i> Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе	494
<i>Яременко Ю.В.</i> Экономические беседы	500

Тема 6. Развитие незападных экономик во второй половине XX века

<i>Бок Зи Коу.</i> «Переходная экономика» Японии	513
<i>Попов В.В.</i> Китай и США в XXI веке	521

Тема 7. Мировая экономика на пороге нового века

<i>Супян В.Б.</i> Американская экономика: новые реальности и приоритеты XXI века	530
<i>Ясин Е.Г.</i> Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ	535
<i>Именной указатель</i>	550
<i>Географический указатель</i>	551

От составителей

Историк — наблюдатель, не следователь, — писал великий отечественный ученый В.О. Ключевский. Вслед за ним нам хочется заверить читателей в том, что в настоящей хрестоматии мы попытались максимально отойти от идеологических догм и шор, мешающих осмыслить особенности развития мировой и российской экономик. Именно поэтому читатель найдет в ней именитых авторов, знакомых всему научному сообществу, и малоизвестных исследователей, чьи работы органично, на взгляд составителей, вписываются в предлагаемый материал.

Мы полагаем, что наша работа не лишена недостатков. Возможно даже, мы упустили какие-то детали, особенности тех или иных моделей национальных государств, рассмотренных в публикуемых источниках. Мы даже уверены в том, что в хрестоматии есть определенный перекося: эволюция экономик стран Европы освещена более подробно, чем трансформационные процессы в государствах Азии и Латинской Америки.

Работа над хрестоматией продолжалась достаточно долго. Мы благодарим наших коллег по кафедре Л.В. Бумблис и Т.Ю. Будник за постоянную помощь и поддержку. Особую признательность выражаем сотрудникам Издательского дома ГУ ВШЭ, и прежде всего генеральному директору Е.А. Ивановой и заведующей книжной редакцией О.А. Шестопаловой.

И последнее. Это наш первый опыт.

Мы будем рады любым замечаниям и предложениям о настоящей хрестоматии. Направляйте их, пожалуйста, в адрес всего авторского коллектива кафедры экономической методологии и истории Государственного университета — Высшей школы экономики.

*Доктор исторических наук, профессор А.Д. Кузьмичев
Доктор экономических наук, профессор С.К. Никитина*

Предисловие

Крупномасштабные экономические трансформации, к тому же произошедшие на рубеже столетий и тысячелетий, не могли не повысить интерес к истории вообще и к экономической истории в частности. Стремление определить значение XX в. в долгосрочных тенденциях отечественного и мирового экономического развития нашло богатое отражение в новых учебниках и учебных пособиях по экономической истории — с различными трактовками ключевых событий и процессов, разными способами подачи материала. Это создало новые возможности и одновременно вызвало новые проблемы в преподавании экономической истории. Преподаватели и студенты получили материал не только для изучения исторических фактов, но и для их осмысления. Но как сориентироваться в многообразии точек зрения, как отделить факты от мнений, субъективные и конъюнктурные толкования от выверенных временем обобщений?

Хрестоматия, которую вы держите в руках, — попытка ответить на этот вызов. Не в том, конечно, смысле, что эта книга — некое собрание «правильных» ответов на спорные вопросы экономической истории. Такой книги нет и быть не может. Свою задачу составители видели в другом: собрать под одной обложкой то, что можно отнести к золотому фонду экономической истории как науки, на что можно опереться при осмыслении уроков исторического опыта.

Подход к хрестоматии по экономической истории может быть двояким. Хрестоматия может представлять собой сборник законодательных актов, деловых материалов, мемуарных свидетельств и других документов, характеризующих экономическую ситуацию и экономическую политику в разных странах в различные периоды. Несколько таких сборников вышло в нашей стране несколько десятилетий назад.

Данная же хрестоматия построена на другом принципе: это систематизированное соединение научных статей, фрагментов монографических изданий, наиболее удачных глав из лучшей учебной литературы для воссоздания представления о достигнутых отечественными и мировыми исследователями результатах в изучении данной дисциплины. Такой подход, на наш взгляд, стал привычным для рассчитанных на студентов и преподавателей вузов пособий по дисциплинам гуманитарного цикла и взят за основу при построении предлагаемой хрестоматии, составленной на основе опыта преподавания предмета «Экономическая история» в Государственном университете — Высшей школе экономики.

При подборе материалов составители руководствовались пониманием экономической истории как истории развития экономических и социальных институтов, определяющих характер взаимосвязи основных факторов производства: населения, ресурсов, технологий, предпринимательства. Институты выступают как консервативный или стимулирующий элемент экономической системы, сдерживающий или поощряющий технологические инновации, прирост населения, предпринимательскую активность.

Деление подобранного материала на три крупных раздела позволяет, постепенно расширяя и углубляя знания по отдельным эпохам и проблемам, рассматривать эволюцию хозяйственного строя России на фоне общемировых экономических тенденций, приобретать навыки сравнительного исследования (если речь идет о студентах) и усиливать компаративистские акценты в преподавании.

Составители стремились также при сохранении тематической связности представить палитру разнообразных подходов к изучению экономической истории в ее взаимосвязях с археологией, историей цивилизаций, социальной и политической историей, макроэкономикой, историей технологий и пр. Был учтен и библиографический фактор: в хрестоматию включено немало содержательных, но давно ставших библиографической редкостью или малоизвестных текстов, например, отрывки из капитальных трудов П. Манту о промышленной революции в Англии, Э. Бааша об экономическом развитии Нидерландов, Г. Нормана о преобразованиях в Японии, статья Н.Д. Кондратьева об индустриализации США.

В хрестоматии отражены достижения классической русской историографии и политэкономии (Н.И. Костомаров, М.И. Туган-Барановский); первого поколения профессиональных историков-экономистов (П. Манту, И. Кулишер, Э.Бааш); марксистской традиции (Р. Гильфердинг, Г. Норман, М. Барг), лидеров знаменитой французской школы «Анналов» (М. Блок, Ф. Бродель); современных западных авторов, работающих в русле неокейнсианства (Г. ван дер Вее). В ней также представлены работы известных современных специалистов по экономической истории России — как отечественных (Б.А. Рыбаков, В.И. Бовыкин, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Б.Н. Миронов, Л.И. Бородкин), так и зарубежных (П. Грегори, П. Гэтрелл).

Приоритетное внимание в настоящей книге уделено долгосрочным структурным и институциональным сдвигам и особенностям лидирующего (Венеция, Нидерланды, Англия, США) и догоняющего (Россия, Япония, «второй рейх», современный Китай) развития отдельных стран. Включен обширный материал об опыте экономических реформ в России (эпоха раскрепощения; «система Витте»; столыпинское землеустройство; нэповская стабилизация валюты в СССР) и других странах (Япония эпохи Мейдзи и «экономического чуда»). Часть отобранных текстов принадлежит авторам, принимавшим деятельное участие в экономических реформах в нашей стране — как прошлого, так и недавнего времени (Г.Я. Сокольников, Ю.В. Яременко, В.А. Мау, Е.Г. Ясин).

При подборе источников для хрестоматии составители сфокусировали свое внимание на работах, которые, будучи содержательными профессио-

нальными исследованиями, носили бы в то же время достаточно обстоятельный и доступный по изложению характер. Часть материалов заимствована из отечественных и зарубежных изданий, написанных как учебные пособия. Пытливый читатель обязательно обратит внимание на форму изложения материалов, включенных в данную хрестоматию: одни из них изложены достаточно академично, сухо, другие содержат массу «сопутствующих» исторических фактов и персоналий. На наш взгляд, такие разные формы изложения также помогут студентам при использовании хрестоматии в учебном процессе. Этому должно способствовать и то, что каждый из предлагаемых фрагментов трудов сопровождается примечаниями, где помимо разъяснения и уточнения деталей приведены определения понятий и сведения об упоминаемых исторических персонах. Методический аппарат дополнен географическим и именным указателями.

Коллектив кафедры экономической методологии и истории ГУ ВШЭ надеется, что предлагаемая хрестоматия, будучи первым отечественным изданием такого рода, заинтересует коллег-преподавателей из других вузов широким кругом репрезентативных материалов и найдет применение при разнообразных вариантах изучения экономической истории.

Раздел I
**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
(до начала XX в.)**

Введение

По ставшему крылатым выражению американского востоковеда российского происхождения С.Н. Крамера, «история начинается в Шумере». Поэтому первый раздел хрестоматии открывает фрагмент из работы В.М. Массона «Первые цивилизации», где на материале археологии Шумера реконструирован древнейший тип цивилизаций — в бассейнах «великих исторических рек» (прежде всего Тигра и Евфрата, а позднее и других) с системообразующей ролью *ирригационного земледелия* высокой продуктивности. В очерке «Становой хребет месопотамской цивилизации» из книги В.И. Гуляева «Шумер. Ассирия. Вавилон: 5000 лет истории» характеристика экономической и социальной структуры первых в истории человечества государств введена в контекст международного *торгового обмена*, долго занимавшего подчиненное положение относительно *натурального* земледельческо-скотоводческого хозяйства и отягощенного как монополиями «власть предержавших», так и набегами кочевых племен на купеческие караваны. Характерные для древнейших государств тенденции к гипертрофии чиновничества и к превращению торговой прибыли в непроемкий ростовщический капитал могли упереться в экономический тупик. Выходом, как показано в работе И.М. Дьяконова «Имперская древность» (глава монографии «Пути истории»), стало образование *империй* с центрами в областях с лучшим стратегическим расположением и доступом к дорогам, соединявшим регионы новых производств (Ассирия, Персия). В рамках обоснованной И.М. Дьяконовым 8-стадиальной периодизации всемирной истории древние империи получили объяснение как государственные механизмы обеспечения *расширенного воспроизводства* за счет дополнительной мобилизации ресурсов посредством насильственного объединения территорий с различной отраслевой специализацией (равнинно-земледельческие, с одной стороны, горно-добывающие и степные скотоводческие — с другой). Но нити международной торговли выскальзывали за пределы неустойчивых имперских образований — в *средиземноморский* финикийско-греко-римский *полисный мир*, на вышедший из-под контроля «Поднебесного» Китая *великий шелковый путь*.

Характеристике *античного полиса* как структурообразующего элемента греко-римской цивилизации посвящена статья Г.А. Кошеленко «Древнегреческий полис». Отличительная черта этой работы — опора на тексты греческих авторов.

Экономическим истокам западной цивилизации посвящена первая глава классического труда «Характерные черты французской аграрной истории»

М. Блока — основателя влиятельнейшей в мировой историографии XX в. школы «Анналов». Сочетая скрупулезный анализ источников с полевыми наблюдениями, он выделил общие черты землепользования, сохранявшие свое значение в течение столетий после эры «крупных распашек нови» по почину католического монашества. Заложена М. Блоком методологическая традиция акцента на социальные и ментальные контексты изменений в производительных силах прослежена в обзоре современного российского исследователя Е.А. Зайцева «Развитие техники в средневековой Европе», где основное внимание уделено интерпретации американским исследователем Л. Уайтом западного христианства как «религиозной санкции» на механически оснащенную активность по отношению к миру: от «покорения» леса до уподобления Творца искусному механику-часовщику.

Характерное для Запада замещение созерцательной ментальности действительной проявилось в подъеме торговли и затем в *колониальной экспансии*, обеспеченной *техническим прогрессом*. По словам выдающегося русско-французского географа Л.И. Мечникова, все, что Средние века знают «свежего, самобытного, свободного», связано с *вольными западноевропейскими городами*. Облик первого и самого колоритного из них, разросшегося до *города-государства-империи* — лидера международной торговли, обрисован в статье Н.А. Селунской и С.К. Сергеева «Светлейшая» — Венеция». От моревладычицы-Венеции «эстафета» *торгового и финансового лидерства* перешла к Нидерландам, северная часть которых во главе с Амстердамом стала образцом экономического успеха при переходе от средневековья к Новому времени. В главе из книги голландского историка Э.Бааша «Подъем и упадок хозяйства Республики Соединенных провинций» рассмотрено превращение Амстердама и других голландских городов в напрямую зависевшие от заморской торговли центры крупного предпринимательства с оборотом больших денег. В Голландии впервые экономические интересы столь явно и густо переплелись с религиозными и политическими и оказались решающими в вопросе о жизненных приоритетах.

Согласно концепциям *генезиса капитализма* К. Маркса и *экономического доминирования* Ф. Броделя, ведущего представителя основанной М. Блоком школы «Анналов», Республика Соединенных провинций Нидерландов олицетворяет переходную ступень от торгового к промышленному капитализму, от европейской экономики с доминирующими городскими центрами (Венеция, Амстердам) к мировой экономике с доминированием Англии — национального государства с прочной (а не рыхлой, как в Голландии) внутренней структурой и одновременно с ориентацией на внешнюю экспансию, подкрепленную прорывом к паровой технике и машиностроению.

В статье лауреата Нобелевской премии по экономике Д. Норта анализируются институциональные предпосылки возвышения Англии и, напротив, упадка потерпевшей неудачу «владычицы рудников» Испании. В главе «Англия — колыбель капитализма» монографии М.А. Барга «Великая Английская революция в портретах ее деятелей» показана связь динамизма Британии с охватом в равной степени ее городов и сельских местностей процессом создания мощной мануфактуры, что позволило ответить на рас-

ширяющиеся запросы европейского и мирового рынков, а затем возвыситься до владычицы дальних морей и «мастерской мира», воплотив собой *промышленную фазу* экономического лидерства.

В отрывке из обширного исследования П. Манту «Промышленная революция в Англии» это превращение Британии в индустриальное государство-эталон — становление крупной, оснащенной паровыми двигателями и разнообразными машинами промышленности — рассмотрено в необычном аспекте: *«изобретатели» и «приобретатели»*. Автор показал, что лишь меньшинство техников-новаторов обладало деловой хваткой и снискало предпринимательский успех с ростом числа коммерческих предпринимателей, собирающих на городских фабриках массы наемной рабочей силы.

Фрагмент книги Ф. Броделя «Динамика капитализма» резюмирует результаты преобразования Британии как *«революции, приведшей к образованию в стране национального рынка»*. Первенство в разрешении задачи создания связного и унифицированного пространства рыночной экономики позволило Англии первой осуществить прорыв в индустриальную цивилизацию и закрепиться в роли страны — лидера мировой экономики. Однако выдвинутый К. Марксом на примере Англии тезис, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране картину ее собственного будущего», существенно скорректирован в статье одного из пионеров компаративного экономического анализа А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе». Автор обосновал типологию *запоздавших и догоняющих индустриализаций*, показав на примере крупнейших стран континентальной Европы — Франции, Германии, России — *структурные и институциональные особенности индустриальных трансформаций национальных экономик*, включая роль долгосрочного банковского кредитования промышленности и государственного вмешательства, а также различных идеологий — сен-симонизма, национализма, марксизма.

Индустриализации двух ведущих экономических держав современного мира — США, за полтора века своего существования (с 1776 по 1920-е гг.) выросших в нового лидера Запада, и Японии, своеобразную (и отгородившуюся было от мира) цивилизацию которой реформы «эры Мейдзи» приобщили к западному динамизму, — посвящены исследования выдающегося российского экономиста XX в. Н.Д. Кондратьева «Северо-Американские Соединенные Штаты» и американско-канадского историка и дипломата Г.Нормана «Становление капиталистической Японии». Работа Н.Д. Кондратьева была написана для знаменитого энциклопедического словаря «Гранат» и с тех пор ни разу не переиздавалась. Между тем обобщенный в ней материал представляет собой ценность не только как солидное историко-экономическое исследование, но и как фактографическая база для известной гипотезы длительных колебаний конъюнктуры. Монография Нормана (точное название «Возникновение Японии как современного государства: политические и экономические проблемы») вышла в 1940 г. и до сих пор считается наиболее глубоким в западной литературе анализом японской модернизации, широко используемым и в японских университетах.

Наконец, в избранных главах из классического трактата виднейшего экономиста-теоретика социал-демократии начала XX в. Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» и из монографии современного российского автора И.Д. Парфенова «Колониальная экспансии Великобритании в последней трети XIX в.» рассмотрены экономические аспекты «нового империализма» конца XIX — начала XX вв. — борьбы сильнейших держав за «место под солнцем», за расширение пространства для экспорта капитала, за источники сырья и рынки сбыта, за передел мира. Особый интерес представляет сюжет о соперничестве Англии и России в Центральной Азии, включая такую «горячую точку», как Афганистан, — пример прикрытия западной державой своих «национальных» (а по сути экспансионистских) интересов мифом о «русской угрозе».

Тема 1. Экономические структуры ранних цивилизаций

В.М. Массон

ЭПОХА ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ¹

<...> Социально-экономической сущностью процессов формирования древних цивилизаций является сложение классового общества и становление государства. Признаки цивилизаций, известных в значительной мере по предметному миру культуры, изучаемому археологией, обычно объединяются в триаду — города, монументальная архитектура и письменность <...>. Возможно, первый из признаков, а именно города, может быть заменен высокоразвитым ремеслом, отделившимся от земледелия, составлявшим, кстати, одну из существенных сторон самого процесса градообразования и последующего функционирования городских структур. Центры, выполнявшие урбанистические функции (от руководства сельской округой до идеологического лидерства), в условиях различных систем расселения и специфических культурных традиций могли иметь различный морфологический облик. В Передней Азии, Индостане и древнем Китае это были города со скученной застройкой и высотной архитектурой, в крито-микенской Греции² — дворцово-хозяйственные комплексы, в Новом Свете преобладал рассредоточенный тип застройки. Региональные и центральные функции этих структур, имеющих во всех древних цивилизациях, по содержанию аналогичны функциям городов, и лишь особенности морфологии ведут к известным оговоркам в употреблении термина «город» <...>.

<...>... к числу очагов древнейших цивилизаций, возникающих независимо и самостоятельно, о чем свидетельствует их культурная специфика, включая системы письменности, относятся Шумер, Египет, Хараппа, иньский Китай, крито-микенская Греция, группа мезоамериканских цивилизаций³ и древние цивилизации Перу. <...>

¹ Печатается по: *Массон В.М.* Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. С. 54—66.

² Крито-микенская Греция — древнейшая цивилизация Греции на о. Крит (города Кнос, Фест; ок. 2200—1450 гг. до н. э.) и востоке Балканского п-ова (города Микены, Тиринф, Пилос; ок.1580—1120 гг. до н. э.)

³ Хараппа — центр цивилизации бронзового века в долине Инда (ок. 2500—1500 гг. до н. э.), территория современного Пенджаба (Пакистан); Инь — древнекитайское государство бронзового века второй половины II тыс. до н. э.; Мезоамерика — североамериканская «зона высоких цивилизаций» (ольмеки, тольтеки, ацтеки, майя) охватывала современные территории центра и юга Мексики, Гватемалы, Белиза, Сальвадора, запада Гондураса.

Хорошо известна высокая эффективность поливного земледелия древней Месопотамии, где применение искусственного орошения позволяло собирать два урожая в год. Даже масса зерен злаковых растений в зонах орошения Южного Двуречья вдвое превосходила массу зерен аналогичных сортов более северных районов. Вместе с тем работы по созданию системы каналов и ее поддержанию, по мелиоративным мероприятиям в условиях заболоченности нижнего течения Тигра и Евфрата требовали организованной и целенаправленной деятельности значительных коллективов. Это был решающий фактор прогресса при сохранении в земледелии архаических орудий труда. <...> Высокопродуктивные земледельческие системы первых цивилизаций при всех естественных локальных различиях, как правило, требовали общего труда. При этом в Месопотамии и Перу он был нацелен на ирригацию и создание системы каналов, в Египте на мелиоративные работы, в Китае на гидротехнические мероприятия по борьбе с наводнениями, угрожающими посевам на плодородных участках в непосредственной близости от Хуанхэ. Как показали новые исследования, в зоне мезоамериканских цивилизаций подсечно-огневое земледелие при всей его эффективности в данной экологической ситуации не было единственным видом землепользования. В областях, занимаемых ранее местными цивилизациями, установлено наличие и террасированного земледелия на склонах, и использование участков, затопляемых во время паводков, и существование разветвленных систем каналов мелиоративного характера. Имеются в Мезоамерике и системы водосборных каналов и резервуаров для воды — предтечи современных водохранилищ <...>. Такое комплексное земледелие также могло функционировать лишь в условиях организованного общего труда. <...>

Второй важнейшей составной частью технологического способа производства первых цивилизаций были специализированные ремесла. Наряду с техническим прогрессом здесь, как и в земледелии, налицо сохранение архаического набора орудий труда, эффективность которых возрастала лишь в условиях разделения труда, специализации и роста профессионализма. На Ближнем Востоке особенно заметны успехи в сфере теплотехники, будь то создание специализированных двухъярусных горнов для обжига керамики или изготовление сплавов различных металлов и изделий из них. Усложнение ремесленной деятельности, прочно отделившейся от сельскохозяйственного труда, требовало не только возрастающей специализации, но и, как другой стороны этого процесса, технологической и организационной кооперации, возникновения объединений ремесленников, древних мастеров, хорошо известных по раскопкам как в Старом, так и в Новом Свете <...>. Эффективность таких производственных объединений была весьма значительной, о чем свидетельствует их продукция, включающая, в частности, сотни и тысячи высокохудожественных образцов. Достаточно указать на достижения ювелиров Древнего Востока, на художественную бронзу иньского Китая и на изготавливавшуюся в формах керамику мочика¹, представляющую собой нередко первоклассные реалистические скульптуры. Именно поэтому

¹ Мочика — древнейшая культура (ок. III в. до н. э. — VIII в. н. э.) южноамериканской (Андской) «зоны высоких цивилизаций» (на территории современного Перу).

наблюдается тенденция локализовать эти высокоэффективные производства в крупных царских или храмовых хозяйствах со строгим контролем со стороны администрации. Уже в первых документах Урука¹ мы видим «большого (главного) кузнеца», видимо, возглавлявшего соответствующее производство <...>. В иньском Китае существовали ремесленники правителя — вана (вангуны) и храмовые ремесленники <...>. По мнению некоторых исследователей, в центральных мастерских древнего Китая использовался труд рабов <...>. Тщательно контролировалась деятельность ремесленников в царских хозяйствах Пилоса и Кносса, где часть ремесленников прямо принадлежала к числу «людей двора» <...>. В мочикском Перу в ходе раскопок крупного центра городища Пампа-Гранде были открыты специализированные мастерские — меднолитейные, ткацкие, по производству извести. Нахождение их в одном квартале с культовым центром и отсутствие поблизости жилых строений приводят исследователей к заключению, что это были храмовые или государственные мастерские, обслуживавшиеся проходящими работниками <...>.

В эпоху первых цивилизаций налицо и кардинальное улучшение средств общения, что, естественно, также оказывало положительное воздействие на технологический прогресс. В Старом Свете колесные экипажи получают широкое распространение во всех основных центрах древних цивилизаций. Повсеместно развивается и кораблестроение, приобретающее в отдельных случаях, как это, видимо, имело место в Эгейском мире, специализированный характер. Но особенно большое значение имело применение систем письменности для хранения и передачи информации, необходимой для нормального функционирования общественных организмов. <...> ... это вызвало необходимость в специальном обучении определенных категорий лиц, в той или иной форме вовлекаемых в производственный процесс. По хеттским законам², затраты на подготовку подмастерья по специальностям ткача, гончара, кожевенника или валяльщика составляли стоимость одной коровы или шести овец <...>. Специальные «школы» писцов или жрецов, известные по материалам Месопотамии <...> и городам-государствам Мезоамерики <...>, при разной степени культовой окраски систем обучения преследовали в числе прочих задач и цель передачи положительных знаний в области астрономии, математики, ведения отчетной документации.

Интенсивное крупномасштабное земледелие и специализированные ремесла составляли основу технологического способа производства первых цивилизаций. Их функционирование, а также существование лиц, занимавшихся непосредственно производительным трудом, отмечается уже в рамках исходной молекулы общества — общины. <...> Однако реализация этих предпосылок в рамках одной, отдельно взятой общины была ограничена ее про-

¹ Урук — город-государство медного века в Шумере (конец IV—нач. III тыс. до н. э.).

² Хеттские законы — один из первых письменных памятников права, датируемый XVI—XIV вв. до н. э., относится к периоду расцвета Хеттского царства — древнего государства в Малой Азии (XVIII—нач. XII вв. до н. э.).

изводственным потенциалом, препятствующим углублению специализации и разделению труда в сфере ремесленной деятельности. Наоборот, в крупных центрах, превращавшихся в городские и становившихся символом технологического и культурного прогресса, расширенное воспроизводство могло быть реализовано и действительно реализовывалось в значительных масштабах, в частности, благодаря кооперации в рамках ремесленных мастерских, которые обладали неизмеримо большими возможностями по сравнению с мастерами-одиночками, обслуживавшими свою общину или деревню. В крупных центрах были сосредоточены и зачатки положительных знаний, широко использовалась письменность, функционировало нечто вроде школ профессионального обучения. Именно в крупных хозяйственных системах, руководимых единым организационным началом, которыми в целом ряде мест являлись храмовые центры, получался наиболее значительный прибавочный продукт. <...>

В историческом аспекте сосуществование и в определенной мере взаимодействие двух секторов, мелкообщинного и крупнохозяйственного, оказывало заметное воздействие на общий прогресс. При катаклизмах и дезинтеграции, которые были нередкими в истории первых цивилизаций, именно мелкие общины обладали особой устойчивостью и способностью к регенерации. В периоды упадка крупных центров, сопровождавшиеся культурным регрессом вплоть до исчезновения систем письменности, как это было в харап্পской Индии и в крито-микенской Греции, именно общины составляли питательную среду для культурной и в рамках представляемого ими уклада социально-экономической преемственности.

Впечатляющей особенностью культуры первых цивилизаций, включая стадию их формирования, является создание и увеличение объема монументальных построек, по большей части бывших культовыми комплексами. Эти памятники не только весьма эффектны внешне, но и показательны с точки зрения производственного потенциала создавших их обществ. В них как бы реализован прибавочный продукт, получаемый в данной экономической системе, отражен организационный уровень общества, умело использующего приемы кооперации. <...>

При всей выразительности материальной культуры первых цивилизаций не следует забывать о том, что движущими силами процесса формирования классового общества и цивилизации были в первую очередь социально-экономические явления — наличие регулярно получаемого прибавочного продукта, что обеспечивалось способом хозяйственной деятельности, и возможность его перераспределения, что обеспечивалось развивающейся социальной системой. Разумеется, это общее положение не следует понимать прямолинейно и механически. Другие факторы, описывать которые так любят западные исследователи, от плотности населения до развития торговли и обмена, оказывали свое воздействие на сложение первых цивилизаций <...>. Но это были вторичные факторы, которые могли способствовать ускорению или замедлению соответствующих процессов общественного развития, приданию им более или менее четких и выразительных форм. Наиболее благоприятное взаимодействие основных движущих сил и вторичных факторов соответственно давало максимальный эффект.

В ходе трансформации первобытных отношений отчуждение прибавочного продукта длительное время сохраняло внешние формы, традиционные для общинно-родовых порядков <...>. Постепенно под их покровом происходили качественные изменения, в частности непосредственный захват больших участков общинных земель. Подобная узурпация общинных земель выделившейся верхушкой отмечена у горных народов Индии и в целом ряде других обществ, переживавших стадию распада первобытнообщинных отношений <...>. Неудивительно, что на заре истории письменности Шумера мы застаем огромные для своего времени наделы, принадлежавшие правящей верхушке общества. По пяти документам из Джемдет-Насра, в которых приводятся размеры полей, две трети из перечисленных площадей в 9000 га принадлежат главному жрецу-правителю. Земельный надел правителя пилооского царства также отличался значительными размерами <...>. Род вождя, или «царский род», образовывал вершину социальной иерархической пирамиды, но рядом с ним существовал целый ряд «благородных родов» <...>.

<...> Уже на последних этапах первобытного строя аристократия, обладавшая более или менее фиксированными социальными и имущественными привилегиями, вершила общие дела и контролировала распределение продуктов. Зачастую внешние войны или процесс освоения новых земель стимулировали авторитарные тенденции верховного вождя-правителя <...>. Отметим также, что с монополизацией права редиистрибуции власть вождя-лидера приобрела и экономические функции. В результате этих процессов вождь-лидер постепенно подчиняет себе аппарат общинного самоуправления и с его помощью возглавляет общественную организацию трудового процесса. Теперь члены этого аппарата уже в силу своего положения в тех или иных формах участвуют в присвоении значительного объема общественного продукта. Недаром в уже упоминавшихся древнейших документах Шумера 6000 га рассматриваются как надел правителя, а 3000 га разделены между пятью должностными лицами, среди которых жрец-прорицатель, главный судья, старшая жрица, старшина торговых агентов—тамкаров. Распоряжались особыми земельными наделами, естественно уступавшими по размерам наделу правителя-ванака, и высшие должностные лица Пилооского «царства» <...>. В иньском Китае члены аппарата управления, видимо, имели не наделы, а обеспечивались натуральными выдачами <...>.

<...> ... такая функция государства, как организация общественных работ в условиях масштабных земледельческих систем, была весьма важна для общества в целом. Но государственный аппарат, являвшийся на первых порах трансформируемым общинным муниципалитетом, состоял отнюдь не из бескорыстных идеалистов. С самого начала этот орган практически находился в руках зажиточной верхушки, и участие в его деятельности, особенно на достаточно высоких постах, способствовало вхождению в ряды социальной и имущественной элиты и закреплению в ней. Естественно, укомплектованные таким образом органы государственного аппарата нацеливались на соблюдение интересов этой элиты. <...>

Обостряющаяся в эпоху формирования первых государств военная ситуация создавала дополнительные стимулы для возвышения вождя-лидера над прочими общественными структурами. Содержание этого фактора было многообразно. <...> ... вооруженное насилие выполняло определенные экономические функции и само становилось непосредственным экономическим фактором <...>. Вооруженные экспедиции приводили не только к насильственному перераспределению прибавочного продукта. Под прикрытием вооруженных отрядов осуществлялся доступ к ценным источникам сырья — залежам металлов, строительному лесу, поделочным и драгоценным камням. Особое значение придавалось захвату военнопленных <...>. В походах иньских воинов захватывалось единовременно свыше полутора тысяч пленных <...>. Войны, таким образом, превратились в регулярный промысел. Преданная вождю дружина способствовала его возвышению и вместе с тем потенциально являлась одной из составляющих формирующегося государственного аппарата подавления. <...>

Несомненно, военные функции в немалой степени способствовали победе светской власти над теократическими поползновениями жречества в тех случаях, когда существовало подобное противоборство. Для рассмотрения истоков этого явления весьма важны шумерские материалы. И.М. Дьяконов подчеркивает сложную внутреннюю связь различных аспектов деятельности общественного лидера. Поскольку организация оросительных работ входила в ведение жреца-правителя, тем более важными оказывались и жреческие функции вождя <...>. Фигура вождя-жреца (эн), получавшего упоминавшийся выше максимальный земельный надел, видимо, предшествует утверждению примата светской власти. Вскоре «большие люди» — военачальники с титулом «лугаль» становятся выше верховных жрецов <...>. Такова, видимо, тенденция установления политических форм, наследующих «храмовым городкам», вырастающим из первобытнообщинных структур. В первых цивилизациях при всех локальных, вполне естественных особенностях наблюдается утверждение власти правителя, опирающегося на воинскую силу и узурпирующего с течением времени жреческие функции, если он не обладал ими изначально в качестве жреца-правителя. Новоявленный лидер также начинает претендовать на божественное происхождение и стремится наложить руку на реальные материальные блага — храмовые хозяйства — там, где они получали развитие.

Огромную роль в этих социально-политических процессах играли и идеологические факторы <...>. Вместе с утверждением в обществе роли вождя-лидера идет сакрализация его должности и функций. Личность вождя высокого ранга объявляется священной, он носит особую одежду, появляются специфические атрибуты его власти, формируется прижизненный и заупокойный культ. <...>

Происходившие в обществе социально-экономические, политические и идеологические процессы представляли собой в целом динамичную систему прямых и обратных связей, воздействующих на весь культурно-общественный комплекс цивилизации. В числе движущих факторов немаловажное место занимали растущие потребности общества и отдельных

индивидов. При этом помимо экономических потребностей, порожденных необходимостью в вещественных материальных благах, все большую роль играют духовные, а также социально-политические потребности, вытекающие из потребностей функционирования надстройки. Все это вместе взятое и обусловило качественно новое состояние общества, определяемое как цивилизация. <...>

Это был важнейший этап всемирной истории, на котором ярко выступает повторяемость ряда явлений в различной этнокультурной среде. Типологически к первым цивилизациям помимо стран Древнего Востока безусловно следует относить и общества Мезоамерики и Перу, где формативная стадия цивилизации засвидетельствована по крайней мере с I тыс. до н. э. Судя по новым открытиям в Перу, истоки цивилизации могут уходить и вглубь II тыс. до н. э. <...>

В.И. Гуляев

СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ МЕСОПОТАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Благосостояние шумерского общества (и всех других месопотамских государств) в значительной мере зависело от главной отрасли его экономики — земледелия. Эффективность последнего находилась в прямой зависимости от развития ирригации, что, в свою очередь, требовало аппарата чиновников, которые смотрели бы за использованием воды в сети каналов, а также распоряжались распределением и хранением излишков сельскохозяйственной продукции.

Вся территория Месопотамии в направлении с севера на юг делится на несколько природных областей. <...> Примерно от широты Багдада и до Персидского залива лежит плоская аллювиальная, образованная наносами Тигра и Евфрата, равнина — собственно Двуречье. Эта область благодаря своим лессовым почвам потенциально очень плодородна, но давать хорошие урожаи она может лишь при хорошо налаженном искусственном орошении. И люди, пришедшие сюда где-то в конце VI — начале V тыс. до н. э., сумели со временем создать широкую и эффективную ирригационную сеть. Данные археологических раскопок свидетельствуют о существовании на юге Месопотамии системы искусственного орошения двух видов: бассейнов для накопления вод весеннего паводка Евфрата и магистральных каналов большой протяженности, с постоянными плотинами и дамбами. «Как и в остальных странах от Памира до Нила, — подчеркивает известный американский историк А. Лео Оппенхейм, — посев злаковых составлял основу оседлости, начиная с самых ранних поселений и вплоть до метрополий, относящихся к позднему периоду древнего Ближнего Востока. Сеяли ячмень, эммер, пшеницу и просо. В Месопотамии, в отличие от Индии и Африки, наименьшее значение имело просо, ячмень же использовался гораздо шире, чем пшеница. Оказывается, можно легко установить связь между излю-

¹ Печатается по: *Гуляев В.И.* Шумер, Вавилон, Ассирия: 5000 лет истории. М.: Алетей, 2004. С. 153—163.

бленными злаковыми и другими культурными растениями: Месопотамия была страной ячменя, пива и сезамового масла, тогда как к западу от нее находился «культурный круг» пшеницы, вина и оливкового масла... Ячмень шел на приготовление пресного хлеба и разных блюд, пшеница — на дрожжевое тесто и сладкие кушанья. Возделывание сезама... обеспечивало население маслом с довольно острым вкусом, которое вместе с животными жирами (сало и что-то вроде сбитого масла) составляло существенную часть рациона жителей Месопотамии». Часто в текстах упоминаются разные сорта лука, чеснок; иногда встречается репа. Существенную часть рациона, по-видимому, составляли ароматические вещества и специи: горчица, тмин и кориандр. Последние добавлялись вместе с солью в однообразные кашицеобразные блюда из злаковых. Что касается фруктовых деревьев, то первостепенное экономическое значение имела финиковая пальма — она давала жителям Месопотамии наиболее распространенный вид сладостей. Другие плодовые деревья сажали редко: в клинописных табличках упоминаются яблоки, фиговые, груши, гранаты и какой-то сорт слив.

Следует также отметить, что набор основных культурных растений оставался постоянным на протяжении всех трех тысяч лет месопотамской истории. <...>

<...> Создание сложной системы каналов, плотин, запруд и водохранилищ требовало высокого инженерного мастерства и знаний. Для проведения земельной съемки и подготовки плана работ требовались нивелировочные и измерительные инструменты, чертежи и карты. Земледелие превратилось в сложную отрасль хозяйства, требующую предусмотрительности, трудолюбия, умения и знаний. Не удивительно, что уже на заре шумерской эпохи некие мудрецы составили «Календарь земледельца», в который входили разнообразные советы, призванные оказать практическую помощь земледельцу в проведении всех полевых работ. <...>

Скотоводство в Шумере было отгонным: скот содержался в загонах и хлевах и ежедневно выгонялся на пастбище. <...> Коз и овец содержали под присмотром пастухов большими стадами, принадлежавшими храмам или дворцу. Крупный рогатый скот первоначально использовали как тягловую силу при обработке земли, реже при перевозках, а также при молотье. Стадами они содержались только в дворцовых и храмовых хозяйствах, очевидно, из-за необходимости перегонять на зимние пастбища. В текстах часто упоминается молоко, из которого изготавливали разные виды масла и сыров.

Наиболее популярными выючными животными были ослы, но для верховой езды их использовали редко. Начиная со II тыс. до н. э. есть сведения о появлении лошади. Чаще всего лошадей впрягали в боевые колесницы. Еще большее значение приобрели лошади после появления в Ассирии кавалерии как особого, весьма эффективного рода войск.

Шумеры разводили гусей и уток. Рыба речная и морская широко употреблялась в пищу не только в свежем, но и в сушеном и соленом виде.

Ремесло и торговля в Шумере развились очень рано. Списки имен храмовых ремесленников сохранили термины для обозначения профессий кузнеца, медника, плотника, ювелира, шорника, кожевенника, гончара, ткача. Все ремесленники были храмовыми работниками и получали за свой

труд как натуральные пайки, так и наделы земли. Известны из клинописных табличек и торговые агенты, и корабельщики, перевозившие товары по Персидскому заливу для торговли с дальними странами (Индия, Африка). Но и они работали либо на храм, либо на дворец. К особой, привилегированной части ремесленников относились и писцы, работавшие в храме, дворце и школе и получавшие за свой труд большие натуральные выдачи.

Мы очень мало знаем о том, как велась торговля внутри месопотамских городов. Недвижимое имущество (дома, поля, сады) покупалось и продавалось, то же относилось и к доходам, которые получали от храмовых владений, к прибылям от эксплуатации рабов и т. д. Однако сделки с потребительскими товарами не регистрировались как продажа, и ни в одном тексте никогда не упоминаются продукты питания как предмет торговли.

Месопотамия в силу объективных причин (отсутствие собственных сырьевых ресурсов) с ранних времен вынуждена была всемерно развивать международную торговлю. <...>

В инвентарных записях профессиональных торговцев — *тамкару* часто говорится о ввозе в страну разнообразных предметов роскоши и основных видов сырья для обслуживания нужд храмов и дворца (царского двора). Торговля велась, по-видимому, на чисто административном уровне, а частная инициатива и связанные с нею доходы в шумерский период открыто не допускались.

О международных торговых отношениях упоминается в текстах из города Мари¹ (находился в Сирии). Торговля связывала Персидский залив с его островным торговым центром Дильмуном (совр. Бахрейн) через Евфрат, Алеппо² и долину Оронта³ со Средиземным морем. Город Мари, вероятно, служил перевалочным пунктом на пути торговли оловом (между горными областями и Месопотамией). Олово было крайне необходимо для производства бронзы, а находилось оно в местах, весьма удаленных от месопотамской равнины. «Торговля Мари, — подчеркивает А. Лео Оппенхейм, — отличалась от торговли Ура и Каниша⁴; караваны находились под царской

¹ Мари — шумерский город-государство в Сирии (с нач. III тыс. до н. э.). Разрушен вавилонским царем Хаммурапи.

² Алеппо (совр. Халеб) — город в Сирии; на протяжении многих тысячелетий — важный узел торговых путей.

³ Оронт — древнегреческое название р. Эль-Аси на территории современной Сирии.

⁴ Ур — древний город-государство в 20 км к юго-западу от города Насирия в Ираке. Первое поселение возникло в конце V тыс. до н. э. В середине III тыс. до н. э. стал сильным государством. В течение XXIV—XXII вв. (с небольшими перерывами) был подчинен соседним государствам — Лагашу, Умме, Уруку, затем царству Аккада. Около XXI в. стал столицей «царства Шумера и Аккада», которое пало около 2000 г. до н. э. Оставался важным торгово-ремесленным центром, находясь под властью вавилонского, а позднее ахеменидского царств. Пришел в упадок к концу IV в. до н. э. Каниш — торговая колония ассирийских купцов из города Ашшур в Малой Азии, основанная в конце III тыс. до н. э. Имел в составе населения значительную долю месопотамских купцов.

защитой, и чужеземные купцы путешествовали от двора к двору, причем пользовались статусом, подобным дипломатическому».

Вместе с тем не следует рисовать по поводу ситуации с международной торговлей слишком уж идиллическую картину. У нас есть немало документов разных времен и из разных областей Ближнего Востока, где сообщается о нередких случаях нападения на торговые караваны и даже убийствах купцов. Особенно грешили этим кочевые племена Сирийской пустыни и горцы Загроса¹.

Таким образом, в целом месопотамскую (в данном случае шумерскую) экономику можно рассматривать как земледельческо-скотоводческую с подчиненным положением ремесла и торговли. В основе ее — натуральное хозяйство, кормившее только жителей города-государства и «власть предержажших». Лишь довольно скромная часть излишков сельскохозяйственной продукции и производимых в самой Месопотамии товаров (ткани и др.) шла на обмен с другими областями. Но осуществлялась эта внешняя торговля под контролем (и на средства) храма и дворца. <...>

Какова же была внутренняя структура этих маленьких примитивных государств — первых в истории человечества? «В Передней Азии периода ранней древности, — отмечает И.М. Дьяконов, — пределом общинно-государственной интеграции являлось то, что я, по египетскому образцу, в 1950 г. предложил называть «номом»: это территория, которая, включая один, реже — два-три города... с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба». <...>

Типичный шумерский «ном» состоял из собственно города-столицы и его округи, которая включала в себя ряд подчиненных ему земледельческих селений различной величины, а также определенную территорию с садами, огородами, каналами, возделанными полями, пастбищами и пустошами в виде болотистых и степных участков.

Город, или столица «нома», — это прежде всего место пребывания правителя и его двора, местонахождение храма главного городского божества и обслуживающего его жречества, место сосредоточения знати, чиновников, воинов и обслуживающих их ремесленников и торговцев. Округа столицы не превышала в Шумере, судя по наблюдениям археологов в районе Урука, расстояния, которое может пройти за день в оба конца пешеход, т. е. в среднем 15 км. Границы «номов» оберегались от посягательств извне и были отмечены особыми знаками и сооружениями — памятными стелами, деревянными и каменными столбами, храмами и даже рвами. Вдоль пограничной линии часто оставляли пустынные полосы земли. В некоторых случаях такие границы проходили через своеобразные «буферные зоны» между соседними городами-государствами: непроходимые болота, обширные степные пространства, безводные участки пустыни и т. д. Если исходить из приведенных выше данных, то средняя территория «нома» составила бы около 900—1000 кв. км. Однако в действительности размеры известных

¹ Загрос — горная система в Иране.

нам по письменным источникам городов-государств были несколько больше. Правда, пока мы располагаем более или менее полными и надежными сведениями только для Лагаша. Это автономное государство занимало, по подсчетам И.М. Дьяконова, территорию до 3000 кв. км (из них 1000 кв. км искусственно орошаемых земель) и состояло, помимо столицы, еще из 10 значительных селений и ряда более мелких. Максимальное их удаление от метрополии составляло до 45 км.

<...> На Ближнем Востоке III—II тыс. до н. э. представлены обычно два различных сектора экономики: государственный и общинно-частный. К государственному сектору относились обширные хозяйства царя и храмов. <...>

В состав государственного сектора экономики, помимо трудящихся, непосредственно создававших материальные блага, входили также царские служащие, профессиональные воины, мастера-ремесленники, чиновники. Многие из них могли практически достичь очень высокого положения в обществе, но пока они являлись только царскими служащими, они не обладали гражданским полноправием.

<...> Государство первоначально возникает в пределах общины или тесно связанных между собой общин. Сначала оно продолжает по форме управляться так, как община управлялась и раньше — советом старейшин при участии народного собрания совместно с выборными вождями-жрецом и вождями-военачальником. Со временем военачальник постепенно узурпирует должность жреца и превращается в единовластного правителя, царя.

<...> Что касается классового деления шумерского общества, то население типичного «нома» можно разделить на три основных группы, или класса: класс людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; класс людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом; класс людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом.

К первому классу относятся крупная знать (шумерск. *саг-суг*), высшее жречество и администрация общины (члены совета старейшин). «Эти люди обладали в порядке семейно-общинного или родового, а отчасти и индивидуального владения десятками и сотнями гектаров общинной земли, эксплуатируя клиентов и рабов. Особо следует отметить правителя (*энси, лугаля*), постепенно захватывавшего и храмовые земли».

Второй класс составляли свободные граждане (для III—II тыс. до н. э. в основном крестьянство) — члены домашних и территориальных общин, непосредственно и лично участвующие в производстве и обладающие всеми гражданскими правами. Свободные общинники выделяли из своих рядов как представителей господствующего класса, так и обедневших и разорившихся людей, пополнявших класс эксплуатируемых. И.М. Дьяконов считает, что эта часть населения в целом эксплуатации не подвергалась, а только платила обычные налоги и участвовала в общественных работах и повинностях.

К третьему классу относятся «древние подневольные люди рабского типа», куда, помимо собственно рабов, входили патриархально-зависимые лица (младшие родичи, клиенты), должники, царские работники («государственные илоты» — например, «гуруши» III династии Ура, получавшие натуральное довольствие и эксплуатировавшиеся на рабских началах, но не являвшиеся рабами юридически»). Это класс, лишенный собственности на средства производства и эксплуатируемый внеэкономическим путем.

И.М. Дьяконов

ИМПЕРСКАЯ ДРЕВНОСТЬ¹

<...> До начала I тыс. до н. э. существовали государства только трех типов: мелкие «номовые» княжества; неустойчивые конгломераты таких государств, где более слабые платили центральному, более сильному определенную дань и оказывали ему по требованию военную помощь; наконец, относительно крупные царства, объединявшие целый речной бассейн. Единственным довольно стабильным государством последнего типа был Египет (хотя периодически и разваливавшийся и приходивший в хаотическое состояние из-за гипербюрократизации системы изъятия и распределения продукта). <...>

<...> В ранней древности постоянно и равномерно действующего международного рынка не существовало, и купцы, привозившие товары, в которых остро нуждались земледельческие общества, но которые производились в других местах, могли получать баснословные прибыли. Торговая прибыль в государствах ранней древности усиливала имущественное расслоение и имела тенденцию превращаться в ростовщический капитал. Большинство хозяйств из-за их сезонности (едва ли не как правило) не могли обойтись без кредита, а он принимал ростовщическую форму. <...>

Делались попытки вести торговлю через государственный аппарат. Этот способ оказался невыгодным: за пределами страны контроль над торговыми агентами был невозможен, и дело сводилось к их частной наживе, а контроль внутри страны был неэффективен ввиду крайней бюрократичности аппарата.

Можно было предоставить международную торговлю частным лицам (что мы кое-где в ранней древности и наблюдаем), а роль государства свести к сбору пошлин князьями. Это значило, что успех и неуспех международной торговли всецело будет зависеть от благоразумия или жадности князей, через земли которых проходили купеческие экспедиции. Но поскольку кризис в том и состоял, что государства рассматривали изымаемый ими продукт как недостаточный, то рано или поздно побеждала жадность. Когда купцов начинали чересчур обирать или когда грабили их перевалочные центры (как это делали цари Ассирии), они попросту прекращали торговлю (тем самым приводя экономику торгующих государств к упадку) или меняли

¹ Печатается по: *Дьяконов И.М.* Пути истории. М.: ИФ «Восточная литература», 1994. С. 45—61.

направление торговых путей в обход более сильных царств — с Евфрата в Сирию, из Сирии на островные владения Финикии, оттуда — в Карфаген и мир греческих полисов.

Задачей государства теперь стало увеличение изымаемого продукта за счет внешних ресурсов без привлечения торговли, что привело повсеместно к созданию империй. <...>

Центрами образования империй стали не те области, которые и ранее были наиболее развиты, а те, которые были лучше всего стратегически расположены и имели доступ к путям, соединявшим регионы новых производств. Первой такой областью стала Ассирия на р. Тигр¹.

Точнее сказать, первую заявку на создание «мировых империй» сделали в I тыс. до н. э. в Передней Азии Урарту, Элам и Ассирия. Урарту имело относительный успех, включив непосредственно в свой состав все Армянское нагорье (Восточную Анатолию) и часть Закавказья. <...>

Урарту сравнительно быстро пало под воздействием различных внешних сил. Об Эламе мы знаем очень мало. Зато подробно нам известно об Ассирии. Это была первая «мировая держава». Чтобы понять, как же она могла возникнуть, нужно учесть следующее.

Если с точки зрения господствующего класса складывавшейся империи речь шла об увеличении изымаемого продукта, то с точки зрения общества в целом речь шла об обеспечении расширенного воспроизводства, без которого никакое развитие производительных сил невозможно. Расширенное же воспроизводство требует определенного стабильного соотношения производства средств производства и производства предметов потребления. Все области, охваченные древними цивилизациями, и смежные с ними можно рассматривать с точки зрения их роли в общественном разделении труда. Основные земледельческие страны были производителями прежде всего предметов потребления (хлеба, текстиля и т. п.), в то время как области горные и степные — средств производства (металла, тяглового и вьючного скота, кож и т. п.). <...>

Для правильного функционирования общественного расширенного воспроизводства в масштабах целых регионов древних цивилизаций области первого и второго типа <...> должны были быть насильственно, но надежно объединены. В этом заключалась функция империй. Империи представляли собой довольно неустойчивые образования — слишком сильны были центробежные силы, но на месте разрушавшейся империи неизменно возникала новая. Первой такой империей была Ново-Ассирийская, охватившая всю Переднюю Азию, кроме Урарту и Малой Азии (IX—VII вв. до н. э.); за ней последовали Ново-Вавилонская и Мидийская (VII—VI вв. до н. э.), за

¹ Ассирия — область в Северной Месопотамии, первоначально с центром в город Ассур (Ашшур). С X в. до н. э., опираясь на силу железного оружия, Ассирийское царство развернуло экспансию на юг и запад и к середине VIII в. до н. э. впервые объединило все Междуречье, а в 671 г. до н. э. завоевало и Египет. Столицей Ассирии как «мировой» державы стал город Ниневия на р. Тигр. В 625 г. до н. э. от державы отпало Ново-Вавилонское царство, а в 612 г. до н. э. Ниневия была разрушена при помощи вавилонян войсками Мидийского царства.

ними Персидская Ахеменидская, основанная Киром,— она уже захватила территорию от Эгейского моря до долины Инда, от Египта до Амударьи и даже Сырдарьи (VI—IV вв. до н. э.); позднее возникли эллинистические империи. Аналогичными были империя Маурьев (цари Чандрагупта и Ашока) в Индии (IV— II вв. до н. э.), империя Цинь (от реформ Шан Яна до императора Цинь Шихуанди, IV—III вв. до н. э.) и сменившая ее империя Старшей династии Хань (основана императором Лю Баном; с III по I в. до н. э.). Большинство этих империй было основано выдающимися лидерами, яркими личностями, хотя по своим характерологическим чертам они расходились: от кровожаднейших тиранов (Цинь Шихуанди) до покровителей наук и культуры (Александр) и людей, обладавших терпимостью даже при наличии официального культа (Ашока)¹. <...>

Своеобразное и исторически весьма значительное явление представляла собой ранняя Римская империя (I в. до н. э. — III в. н. э.); поздняя Римская империя (III—IV вв. н. э.) представляет собой уже переход к следующей фазе общеисторического процесса.

Экономический смысл возникновения и существования древних империй <...> заключался в следующем. Для того чтобы обществу,

¹ Кир II Великий — царь персов (558—530 до н. э.), основатель мировой державы Ахеменидов со столицами в Сузах и Персеполе. Завоевал Мидийское, Лидийское и Ново-Вавилонское государства.

Чандрагупта (325—297 до н. э.) — основатель державы Маурьев, охватившей большую часть Индии. Его советнику Каутилье Вишнугупта приписывается составление свода административно-хозяйственных правил «Атрхашастра» (букв. «наука о пользе»).

Ашока — внук Чандрагупты, третий царь (265—238 до н. э.) из династии Маурьев. Впервые провозгласил государственной религией буддизм.

Шан Ян (390—338 до н. э.) — правитель китайской области Шан. Учил, что «государство добивается процветания земледелием и войной», предлагал резко повысить пошлины на торговцев, принуждая их «возвратиться к земле». Рекомендовал (и провел у себя в области) подворную перепись, единый зерновой налог с доли урожая, круговую поруку. Культуру во всех проявлениях относил к паразитической форме существования. Главный представитель идейной школы «законников» (фацзя), провозглашавшей верховенство писанных правителями законов над церемониями и традициями.

Ши Хуанди (букв. «первый император»; 221—210 до н. э.), или Цинь Шихуанди, — основатель единого китайского государства. Сторонник учения «законников»; упразднил наследственное управление отдельными областями, заменив его назначением императорских сановников. Приказал сжечь конфуцианские книги и умертвил несколько сотен конфуцианских ученых.

Лю Бан (ок. 247—195 до н. э.) — предводитель народного восстания 209—206 гг. до н. э., свергнувшего с престола сына Цинь Шихуанди. Занял трон под именем Гао-цзу, основал династию Хань.

Александр Македонский, или Александр Великий (356—323 до н. э.), — величайший полководец и завоеватель Древнего мира. Разрушив персидскую державу Ахеменидов, основал на ее обломках мировую державу, простиравшуюся вплоть до восточных берегов р. Инд. После смерти Александра основная часть его державы была захвачена его военачальниками — диадохами («преемниками») Птолемеем Лагидом и Селевком Никатором.

повсеместно переживавшему к концу эпохи бронзы период многолетнего застоя, перестать топтаться на месте (в бесконечной цепи возвышений, смены и гибели и вновь возвышений мелких государств), нужно было обеспечить расширенное воспроизводство <...> и тем самым достичь определенного стабильного соотношения областей, производивших в избытке продукты потребления, и областей, производивших средства производства¹. <...>

В наше время естественно было бы искать объединения регионов в налаженном международном обмене. Но на рубеже II и I тысячелетий до н. э. этому мешали непреодолимые препятствия. Источники сырья в горных районах перестали в то время быть легкодоступными, так как зоны между ними и основными производителями продуктов питания (такими, как Египет и Месопотамия) находились под контролем достаточно сильных ранних государств, а это <...> служило существенным препятствием для развития международной торговли. В то же время внутреннее развитие районов производства минерального сырья и лесных районов привело к тому, что они могли обеспечить самих себя пищевой и текстильной продукцией в достаточной мере; сырье, ранее задешево вывозившееся, можно было теперь перерабатывать и на месте.

Выходом из положения могло быть <...> обязательное насильственное объединение обоих «подразделений» общественного производства — средств производства и продуктов потребления. Империи, которые отныне сменяли одна другую на всей территории Древнего мира, должны были решать именно эту задачу. При этом внутренний обмен в пределах империи начинает играть весьма важную роль. Это находит отражение в повсеместном введении денег (монеты). Серебряный лом в прошлом играл роль преимущественно меры стоимости — реальное серебро редко шло в уплату. Теперь впервые возникает собственно денежный, а не только товарный обмен². <...>

Есть закономерность и в технологическом уровне фазы имперской древности. Заметим соотношение периодов возникновения железного века в различных частях мира и периодов возникновения империй (исключим при этом Средиземноморье, которое шло особым путем развития):

¹ К этому надо добавить еще насильственные переселения значительных масс людей, особенно ремесленников, практиковавшиеся в империях, начиная с царя Ассирии (в 744—727 до н. э.) Тиглатпаласара III.

² Чеканку золотых монет первыми наладили цари Лидии — анатолийского государства, завоеванного Киром Ахеменидом. Греки называли лидийские монеты статерами (букв. «коромысла весов»). При царе Дарии I ок. 518 г. до н. э. в государстве Ахеменидов началась чеканка золотых монет — дариков. Александр Македонский наладил чеканку золотых статеров. Монетная система Римской империи была триметаллической: основными были серебряные денарии и сестерции, для простонародья оставались медные ассы, со времен Августа чеканились ауреусы (букв. «золотые»). Напротив, в Китае драгоценные металлы не употреблялись как монетный материал, а медные «монеты» были не чеканными, а литыми и фигурными, воспроизводившими формы орудий труда и предметов быта (мотыг, серпов, лопат, ножей, колоколов).

	Массовое введение железа	Установление имперского строя
Ближний Восток	XI—IX вв. до н. э.	IX—VIII вв. до н. э. (Ассирия)
Индия	VII—VI вв. до н. э.	IV в. до н. э. (Маурья)
Египет	VI—V вв. до н. э.	IV—III вв. до н. э. (Птолеми)
Китай	V—III вв. до н. э.	III в. до н. э. (Цинь)
Япония	VI в. н. э.	VII—VIII вв. н. э. (Нара)

<...> движущей силой было не введение технологии железного века само по себе, а, во-первых, необходимость объединения регионов производства средств производства и регионов производства средств потребления и, во-вторых, введение производства стали не только в ремесле, но прежде всего в военном деле (стальные мечи, кольчуги или латы, шлемы).

Империи, или так называемые мировые державы, принципиально отличались от сравнительно крупных конгломератов княжеств, образовавшихся в фазе ранней древности. Во-первых, империи насильственно объединяли непременно территории, неоднородные по своей экономике и экономическим нуждам, по географическим условиям, по этническому составу населения и по культурным традициям. Во-вторых, если крупные государства-конгломераты в основном не нарушали традиционной структуры управления подчиненных стран, то империи, напротив, подразделялись на единообразные административные единицы (области, сатрапии, провинции)¹. <...>

Ранние империи как огромные машины для ограбления множества народов не могли быть устойчивыми образованиями <...>. Грабительская политика империи вступала в противоречие с потребностями нормального разделения труда между включенными в ее состав областями; торговые нити <...> вскоре были перенесены за пределы империй — в финикийско-греко-римский полисный мир (VII—IV вв. до н. э.), на «шелковый» путь²,

¹ Сатрапии — административно-территориальные единицы в державе Ахеменидов, введенные Дарием I (царь в 522—486 до н. э.) Одним из наиболее известных сатрапов был Мавсол в Кари (IV в. до н. э.). Александр Македонский сохранил сатрапии в своей державе, то же сделали Селевкиды. Провинции — административно-территориальные единицы в Римской империи.

² «Шелковый» путь (термин введен германским географом К. Рихтгофеном в 1877 г.) не был единым маршрутом, а представлял собой целую сеть дорог и тропинок. Первая из них (Старая Северная) возникла по инициативе императора У-Ди (140—87 до н. э.), нуждавшегося в породистых лошадях для войска. Таких коней увидел во время своего посольства в Среднюю Азию (138—126 до н. э.) сановник Чжан Цянь. Доложив об отсутствии в иных странах шелкоткацкого ремесла, Чжан Цянь надумил императора вывозить за границу шелк в обмен на прекрасных коней, а также сладкие плоды, вино и т.д. В 121 г. до н. э. первый верблюжий караван с шелком и бронзовыми зеркалами направился к Ферганскому оазису через Турфанскую впадину вдоль отрогов Тянь-Шаня. Развернувшаяся торговля была прервана разорительным для Китая восстанием «краснобровых» (17—27 н. э.). Возрождение торговли началось по Южной дороге через завоеванные полководцем Бань Чао (32—102) оазисы Таримской (Кашгарской) впадины к Памиру и далее к столице Кушанского царства городу Балх (Бактра) — южному побережью Каспийского моря — Ктесифону на р. Тигр — Пальмире в Сирии и до берегов Средиземного моря. От Южной дороги ответвилось направление через Гиндукуш и Каракорум вдоль р. Инда и его при-

не контролировавшийся Китайской империей (I в. до н. э. — II в. н. э.), и т. п.

Чем более вырастали империи, тем менее они оказывались стабильными, но вслед за падением одной империи сейчас же возникала другая. На Ближнем Востоке вслед за Ассирией появились Ново-Вавилонская и Мидийская империи, затем Ахеменидская, Селевкидская, Римская, Парфянская; в Индии империя Маурья сменилась империей Кушан (II в. до н. э. — IV в. н. э.), а та — империей Гупт (IV—VI вв. н. э.); в Китае империя Цинь (III в. до н. э.) быстро сменяется империей Хань (II в. до н. э.). Империи возникали вновь и вновь потому, что принудительное объединение областей производства средств производства и производства предметов потребления все время оставалось для общества поздней древности жизненной необходимостью.

Постепенно выяснилось, что для империи помимо армии и общеимперской администрации необходим еще один механизм. Он призван был обеспечить реальное функционирование расширенного воспроизводства <...> и при этом быть гарантированным от произвольного имперского вмешательства. Механизм этот вырабатывался постепенно, встречая на первых порах решительное противодействие армии и администрации, которые видели в нем подрыв монопольного единства империи. <...> Наилучшим механизмом явилась система независимых, самоуправляющихся городов внутри целостной империи — центров ремесла и торговли. Отсутствие слишком сильного царского вмешательства и налоговые привилегии создавали благоприятные условия для развития товарного хозяйства и весьма значительного роста богатств господствующего класса, а мир в пределах империи обеспечивал безопасные связи с сырьевыми районами и районами сбыта товаров.

В Западной Азии этот процесс хорошо прослеживается уже при империи Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.), но получает мощный толчок после завоеваний Александра (IV в. до н. э.), когда на Восток была распространена, хотя и в подчинении верховной имперской власти, греческая модель полиса. Она просуществовала, постепенно хирея, в течение всего времени существования эллинистических империй, созданных преемниками Александра: Птолемеями (в Египте и за его пределами), Селевкидами (на Ближнем и отчасти Среднем Востоке) и Аршакидами (в Парфии и Армении), а затем и римлянами¹. Менее всего был затронут полисной системой Египет,

токов к Персидскому заливу, причем из Индии в завоеванную в 120 г. кушанами Кашгарию, а затем в Китай потянулись странствующие монахи-буддисты, принесшие с собой культуру чая.

¹ Птолемеи, или Лагиды, — династия египетских царей (323—30 до н. э.), основанная военачальником Александра Македонского Птолемеем, сыном Лага (367—285 до н. э.) Последняя в династии — известная царица Клеопатра. Птолемеи превратили Александрию Египетскую в крупнейший торговый и научный центр Средиземноморья, сочетали роскошь в традициях фараонов с поощрением эллинистической культуры, широко практиковали государственные монополии (на добычу соли, металлов, камня, переработку масличных и др.). Селевкиды — династия восточных царей (312—64 до н. э.), основанная военачальником Александра

в основном сохранивший архаические черты государственной бюрократической эксплуатации. Самоуправляющиеся республики были известны и в Индии, где они создавались до эпохи Маурья, но здесь имперские власти не сумели ими воспользоваться, и они захирели очень рано. В Китае при империи Хань наблюдаются известные послабления для торгово-ремесленной прослойки населения и значительный рост городов, самостоятельность которых, однако, была несравнима с парфянскими грекоязычными полисами. Все же они выполняли (особенно вначале) свою роль по стабилизации обмена между районами производства средств производства и районами производства продуктов потребления. Отсутствие полисной системы в Индии и Китае способствовало более скорому падению здесь империй древнего типа и переходу к раннему Средневековью.

Главным эксплуатируемым классом в фазе поздней (имперской) древности на обоих ее этапах являлись не рабы, а некоторая часть населения, имевшая разные наименования в различных империях (лаой в эллинистических империях, шудры (и дасью) в Индии, цзянь-минь в Китае, колонны в Римской империи). Рабство <...> почти всегда (за исключением отдельных регионов и отдельных периодов) играло вспомогательную роль.

Неясно, можно ли вообще считать рабов отдельным классом или их следует считать низшей прослойкой класса древних подневольных людей, которых мы предложили условно обозначать как илотов. Люди, принадлежавшие к этому классу, обязаны были создавать избыточный продукт в пользу господствующего класса (этот класс часто принимал форму военной аристократии или бюрократии). Продукт мог изыматься в форме простого налогообложения <...> или же в виде оброка и барщины. Если он взимался в форме налога, то мог переуступаться государством определенным чиновникам и/или военачальникам, а также их потомству или поступать непосредственно государству и распределяться среди господствующего класса каким-либо другим способом.

Сохранение полисной системы было характерно для наиболее могущественной и высокоразвитой (и самой богатой) империи поздней древности — Римской. Важнейшая ее особенность заключалась в том, что завоевания здесь велись не каким-либо царем отдельного традиционного государства, а самим полисом Рим. Предпосылки превращения римской городской республики и зависимых от нее областей в империю были созданы при полководце и диктаторе Юлии Цезаре, убитом республиканцами в 44 г. до н. э., и затем при Августе, собственно основоположнике Римской империи. <...> Основная часть Средиземноморья была завоевана

Македонского Селевком Никатором (ок.354—280 до н. э.), укрепившим свою власть в Вавилоне, Мидии, Персии и завоевавшим Сирию. Наиболее значительный его потомок — Антиох III Великий (242—187 до н. э.) — вновь подчинил отпавшие от державы Сирию, Греко-Бактрийское и Парфянское царства, а также завоевал Фракию, но отступил перед натиском римлян. Аршакиды — династия правителей Парфянского царства (250 до н. э. — 224 н. э.) на территории Ирана (Персии), освобожденной от греко-македонского владычества в войне под предводительством горского племени парфян.

еще республиканским Римом, и даже после установления империи Цезарем и Августом полисы повсеместно являлись ее важнейшей структурной частью.

Использование, хотя и в урезанном виде, полисной системы (и даже распространение ее на новые регионы) придало Римской империи стабильность, которой были лишены индийские и китайские империи поздней древности. В привилегированном положении находились граждане самого Рима, однако по мере утраты независимости подчиненными полисами и все большей формализации их институтов наиболее выдающимся гражданам полисов тоже стало дароваться римское гражданство, пока наконец в 212 г. при императоре Каракалле оно не было даровано вообще всем свободным в империи. Отсюда само понятие гражданства, как оно было создано в греческом полисном мире в середине I тыс. до н. э., потеряло смысл: римское гражданство стало означать просто подданство Риму и подверженность римскому налогообложению. <...>

Можно ли считать позднюю древность способом производства, отличным от способа производства ранней древности (особой «формацией», или фазой)? Уровень развития производительных сил и средств насилия (оружия) совершенно различен для ранней и поздней древности и в последней опирается на совершенно новую технологию (железный век, ранняя форма стали). Характер эксплуатации низшего класса в поздней и ранней древности отличается мало, однако В.П. Илюшечкиным¹ было показано, что формы эксплуатации не привязаны строго к той или иной фазе исторического развития. Различаются, с моей точки зрения, формы собственности: если для ранней древности характерно противопоставление дворцово-храмовой и общинно-частной форм собственности и почти полное отсутствие регулярного налогового обложения, то для поздней древности — во-первых, сосуществование государственной собственности и собственности частной, во-вторых, разная степень сословной разделенности свободного населения (в Индии — «варны»: жрецы, воины, прочие «дваждырожденные», т. е. полноправные; право гражданства в полисе есть тоже, конечно, сословная принадлежность!) с разным объемом собственнических и гражданских прав («свобод»), причем и эксплуатируемый класс (включая иногда рабов) не полностью лишен собственности на средства производства или, по крайней мере, стабильного владения ими. На то, что имперская древность является одной из закономерных фаз всего исторического развития, указывает и ее примерно синхронный и универсальный характер (от Атлантического океана до Китая и, по-видимому, даже до Японии). <...>

Становление государств имперской древности знаменует переход к новой исторической фазе; с точки зрения традиционной марксистской теории между ними должна бы лежать грань насильственного переворота. Таковым можно считать совершавшееся повсюду насильственное завоевание импе-

¹ Илюшечкин Василий Павлович (1915—1996) — российский китаевед и историк-экономист, доктор исторических наук, доктор философских наук, специалист по проблемам формационного подхода.

риями обществ типа ранней древности. Но если это и была революция, то революция сверху. Следовательно, и социально-психологические механизмы, непосредственно двигавшие этим переворотом, надо искать не в идеологии масс — те повсеместно держались за старое, — а в психологии образующегося имперского господствующего класса. Хотя мы видим, что в большинстве империй сохранялись прежние пантеоны и даже прежнее терпимое отношение к соседним культам, несколько иным, чем собственные, возникали и особые, ведущие, например столичные, культы. Но появляется и еще новая черта: верховный бог рассматривается как царь небесной империи, а прочие боги образуют вокруг него придворный штат. <...> В ряде стран наблюдается и обожествление царя.

Но если имперская революция происходит вне воли и ведома народных масс, то среди них под влиянием тех же социально-политических и экономических процессов зреют новые социально-психологические побуждения, имеющие далеко идущие исторические последствия.

Усложнение технологии и социальных отношений уже в период ранней древности привело к пониманию того, что причинно-следственные связи являются не только мифологическими. Все более неудовлетворенным оставалось социально-психологическое побуждение к защищенности, «справедливости». <...>

<...> ...возникают учения универсального, не локального характера, которые ставят во главу угла добро, этическое начало. <...> ... божествам приписывалось совершенно второстепенное значение, как в буддизме, созданном Сиддхартхой Гаутамой, или Буддой, в VI в. до н. э.

По учению Будды, отрицавшему традиционное сословное деление индийского общества, этически правильное поведение в конечном счете ведет к личному освобождению любого человека от мирских страданий (в нирване). <...>

В Китае <...> на грани VI и V вв. до н. э. появляется учение Конфуция, впервые положившего в основу идейной жизни общества нравственное начало (жэнь — человечность). Это понятие, однако, не означало некой любви ко всему человечеству, а предполагало прежде всего любовь к семье и почитание матери и особенно отца; затем эта любовь иерархически распространялась на главу рода (впоследствии на законного начальника) и в конечном счете на государя. <...>

В своей первоначальной форме конфуцианство было не столько религией (хотя оно и предполагало верховный культ Неба, допуская культы и других богов), сколько философским мировоззрением и даже образом жизни. <...>

В Иране и примыкающих к нему районах Средней Азии слагается на очень ранней стадии, в сущности еще на самой ранней грани создания ранних государств, учение Зороастра (Заратуштры). <...>... главным содержанием зороастризма стали формальные моменты: запрет гекатомб скота, культ чистых стихий — воды, огня и плодородной земли — с запретом сжигать трупы или хоронить их в плодородной земле. Но, кроме того, зороастризм обещал посмертную награду безгрешным <...> и <...> приход Спасителя

и царство гармонии в будущем. Дата возникновения зороастризма неясна (VIII—VII вв. до н. э.).

В особом положении оказалось население Израильского царства и в еще большей степени — отчленившегося от него Иудейского царства в Палестине. Возникший для израильских племен еще в догосударственный период запрет поклоняться другим богам, кроме союзного племенного бога Яхве, в результате развития движения пророков <...> привел к концепции существования одного, единого, бога. Культ единого бога (иудаизм) помимо различных ритуальных предписаний опирался на этические основы, изложенные в «Десяти заповедях». <...> ... в иудаизме затем выработалось учение о приходе в будущем «помазанника» — мессии <...>; именно мессия создаст абсолютно гармоничное и вечное царство для израильтян; но ряд пророков, начиная с Иеремии, мыслил это будущее мессианское царство как имеющее целью объединить все народы.

<...>... древние иудеи были, за редким исключением, грамотны. Распространившееся среди них учение и связанные с ним проповеди принимали письменную форму; их отбор и редактирование относятся в основном к периоду V—II вв. до н. э.; окончательную форму канон Библии (евр. «Танах», в христианстве «Ветхий Завет») получил к 100 г. н. э.

Начиная со II в. до н. э. внутри иудаизма возникают различные обособленные течения, придававшие этическому моменту все возрастающее значение. В начале I в. н. э. появляется Иисус, отвергавший ритуальные моменты иудаизма и придававший вере в единого Бога-Отца целиком этический характер. Иисус объявил себя (или был признан учениками) обещанным иудеям «Помазанником» («Мессией», греч. «Христос»).

Появление предполагаемого царя вечного Израильского царства представляло политическую опасность как для господствовавших в это время в Палестине римлян, так и для официальной иудейской верхушки, заинтересованной в мире с римскими властями, и Иисус был казнен распятием на кресте. Однако его сторонники объявили о его воскресении и вознесении на небеса, с тем чтобы ему «в последнее время» прийти «судить живых и мертвых, его же царствию не будет конца». <...>

Уже события и идеи раннего христианства излагались в письменных памятниках, но традиционный текст «Нового Завета» <...> сложился к III в. н. э., а окончательно был канонизирован еще позже.

Все этические учения древних народов были оппозиционными по своему характеру, и впоследствии в сильно переработанном виде большинство их сыграло свою роль в социально-психологическом обосновании перехода от фазы имперской древности к средневековой фазе развития исторического процесса. <...>

Что касается самих империй древности, то их отношение к этико-догматическим религиям было различным в зависимости от обстоятельств. Ассирийская и Ново-Вавилонская империи довольствовались перестройкой традиционной мифологии по образцу имперской земной администрации <...>. Мидийская и Ахеменидская империи приняли зороастризм <...>. В то же время эти империи не только допускали дальнейшее функционирование

архаических локальных культов, но и покровительствовали им. Эллинистическая и Римская империи сохраняли местные культы архаического типа, обусловив их дальнейшее существование повсеместным введением культа главного божества — покровителя империи или культа самого обожествленного императора.

Поскольку буддизм считал добродетелью покорность своей доле и проповедовал спасение только через внутреннее самосовершенствование, он редко подвергался преследованиям со стороны государства. Мало того, буддисты в сущности обещали монархам, создававшим империи, лучших подданных, более покладистых, более удовлетворенных, чем буйные брахманисты (придерживавшиеся традиционных причудливых и разнообразных индийских мифологий, а также традиционных культов), разделенные на враждебные друг другу, частью озлобленные, частью отчаявшиеся, жесткие сословные группировки («варны»), нередко уже не соответствовавшие реальным социально-экономическим отношениям, существовавшим в обществе. Поэтому династия Маурья приняла буддизм как официальную догматическую религию <...>; отметим, что известная терпимость была вполне в духе буддизма. <...>

<...> Как буддизм не противоречил интересам нового, имперского строя древних обществ, так обстояло дело и с ранним китайским конфуцианством. Философия Конфуция отвечала на всеобщую для эпохи ранней древности тревогу относительно бессилия справедливости не какими-либо рецептами ее достижения (в конечные времена или уже сейчас, по крайней мере для индивида), а стремлением снять эту тревогу: «Правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». В имперский период древности конфуцианство, особенно в сочинениях мыслителя IV—III вв. до н. э. Мэн-цзы, оставалось неофициальным учением¹.

<...> Ко времени же династии Хань центральным для всей империи был культ безличного «Неба», а император выступал как «Сын Неба». Это, однако, не исключало различных второстепенных культов либо архаического или даоистского, либо буддистского происхождения.

<...> Нормативными для конфуцианцев были сочинения, приписываемые самому Конфуцию, а также некоторым из его позднейших последователей.

Параллельно конфуцианству развивалось даоское учение. Оба они влияли друг на друга. Для даосов канонической книгой была «Даодэцзин», восходящая, как полагают, к IV в. до н. э. или ранее. Она приписывалась самому древнему святому мудрецу — Лао-цзы.

<...> Центральным для философского даоизма является понятие дао — некоего абсолюта бытия. Задача человека — «неделание» (собственно, неделание ничего «неестественного» — естественная жизнь человека не нару-

¹ Мэн-цзы (ок. 372—289 до н. э.) сформулировал как «всеобщий закон Поднебесной»: «те, кто напрягает ум, управляют людьми, а те, кто напрягает мускулы, управляются». Предложил систему «колодезных полей»: прирепление земледельческих общин из восьми дворов к пашне, поделенной на девять частей (примерный квадрат 3 x 3) с изъятием в пользу государства урожая с центрального квадрата.

шает дао), т. е. смирение, удовлетворенность жизнью, слабостью, отсутствие стремления к знанию, к карьере. Что же касается ритуалов, искусственного упорядочения общества, войны, налогов, официальной нравственности, все это отвергалось Лао-цзы. <...> Даосская космогония, в частности учение об инь и ян, была в общем освоена и конфуцианством; очень сильным было влияние даоизма на китайские формы буддизма; в особенности даоизм повлиял на тот вариант буддизма, который обычно обозначается японским термином дзэн¹.

<...> Коснемся теперь Японии, отстававшей в своем развитии.

Несмотря на свое островное положение, она, конечно, поддерживала через моря связь с Кореей и Китаем, и Китай оказал на нее существенное влияние. Но железное оружие было введено в Японии лишь с VI в. н. э.; только тогда здесь началось сложение <...> имперской древности. Эта фаза не была здесь долговременной, потому что континент жил в то время уже в фазе Средневековья, а японские власти копировали континентальные образцы. <...>

Г.А. Кошеленко

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС²

Для большинства современных исследователей античности представляется совершенно несомненным, что основной формой политической и социальной организации античного общества является полис <...>. Само неповторимое своеобразие греко-римской цивилизации объясняется в первую очередь характером полиса. Полис, таким образом, выступает как структурообразующий элемент этой цивилизации.

<...> ... в основе понимания древними сущности полиса лежало следующее представление: полис прежде всего коллектив граждан вместе с наличными материальными условиями, обеспечивающими его существование. Поэтому нам кажется совершенно справедливым определение полиса как одного из типов общины, а именно как гражданской общины. Но при таком определении встает, естественно, вопрос: в чем же специфика именно гражданской общины, в чем отличие ее от других типов общин (родовой, семейной, территориальной и т. д.)? Найти ответ на него в первую очередь поможет выяснение отношений собственности, на которых основывалась античная гражданская община. Бесспорно, что своеобразие античной гражданской общины определялось своеобразием античной формы собственности <...>. Основная особенность ее заключается в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме — как собственность государственная и как собственность частная <...>.

¹ Даосы проповедовали единую природу всех вещей («горы и озера одинаково равны»). Повстанцы с «желтыми повязками» (184—204) основали на этих рассуждениях политику имущественного «уравнивания» людей.

² Печатается по: Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1983. С. 9—31.

Этот двойственный характер античной собственности (прежде всего земельной) находит свое выражение в том, что существуют определенные категории земель, находящихся в общественном владении: всего полиса в целом или его подразделений (фил, фратрий, демов и т. д.)¹. Но неизмеримо большее значение имеет другое обстоятельство, гораздо полнее раскрывающее характер античной собственности: только граждане полиса имеют право на участок земли в пределах полисной территории. Как справедливо подчеркивают исследователи, в античности в принципе наблюдается совпадение территории полиса с землей, принадлежащей гражданам <...>. Взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю порождала ту особенность античной гражданской общины, которую современные исследователи называют «принципом исключительности» и которая считается одной из самых фундаментальных для полиса: никто, кроме граждан, не имел права на земельный участок, не мог даже приобрести дом для жилья и должен был снимать жилище в аренду.

<...> Хотя экономически это запрещение мало задевало метеков², поскольку они в основной своей массе занимались ремеслом и торговлей, оно было чрезвычайно важным в социальном смысле, поскольку подчеркивало резкую границу между полноправными гражданами и неполноправными. Дарование права метеку владеть землей всегда было следствием чрезвычайных обстоятельств. <...> В Афинах метеку право приобретать землю даровалось полисом за особые заслуги. Характерно, что некоторые исследователи даже считают, что само распространение этой категории землевладения в Афинах представляет один из симптомов кризиса полиса.

Хотя, как правило, в большинстве греческих полисов сделки в отношении участков земли внутри гражданского коллектива не ограничивались, полис все же тщательно наблюдал за перемещением земельной собственности. Именно этим объясняется то, что публичность являлась непременным условием во всех сделках, связанных с землей. Об этом убедительно свидетельствуют фрагменты из сочинения Теофраста³ «О сделках», где подробно рассказывается о том, как соблюдался в различных греческих полисах принцип публичности сделок на землю. Полис мог утверждать земельный максимум, осуществлял он надзор и над наследованием, в частности опреде-

¹ Филы и фратрии — родоплеменные объединения, служившие аристократическому режиму в греческих государствах. Филадельфия состояла из трех фратрий, возглавляемых знатным родом. Демы — территориальные округа. Проведенная в Афинах Клисфеном в 509 г. административная реформа разделила все население на новые филы, объединявшие каждая десять демов и не связанные с прежними родовыми филами.

² Метеки — в Афинах и других греческих полисах лично свободные жители из числа чужеземцев или вольноотпущенников, занимавшиеся преимущественно ремеслом и торговлей. Могли накапливать значительные состояния, но не имели политических прав.

³ Теофраст (Теофраст) Афинский (ок. 372—287 до н. э.) — древнегреческий естествоиспытатель и философ, ученик Аристотеля, участник походов Александра Македонского.

лял категории наследников, степень их прав на оставшийся участок земли, наконец, сам становился наследником при отсутствии строго оговоренных категорий наследников.

Таким образом, есть все основания считать, что полис как коллектив граждан выступал в роли верховного собственника земли данного полиса, гаранта земельной собственности отдельных граждан, имеющего право вмешиваться в отношения собственности.

Идея верховной собственности полиса на землю находит отражение в требованиях перераспределения земли, столь частых в ходе социальной борьбы, развертывавшейся в греческих полисах. Показательно, что все эти требования рождаются в рамках гражданского коллектива и облекаются чаще всего в форму призыва возвратиться к порядкам, существовавшим «у предков». Среди граждан совершенно неистребимой была идея о том, что справедливый строй — это строй, при котором более или менее соблюдается принцип земельного равенства. Таким образом, мысль о том, что полис как коллектив граждан может осуществить перераспределение земельного фонда бесспорно отражает эту систему представлений.

С указанной особенностью полиса связана вторая его кардинальная черта — совпадение (в принципе) политического коллектива с коллективом земельных собственников, взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю.

Первоначально в греческих полисах только владелец земельного участка обладал гражданскими правами. Наиболее очевидна эта взаимозависимость в Спарте, где условиями принадлежности к числу полноправных граждан были обладание участком земли — кларосом, получение спартанского воспитания и участие в сисситиях¹. При этом не принималась в расчет даже легитимность рождения, что было обычным в других греческих полисах. Точно так же и утрата — в силу тех или иных причин — участка земли приводит к утрате и гражданских прав. Следовательно, здесь связь между правом землевладения и гражданскими правами наиболее отчетлива. Аналогичную практику мы встречаем и в ряде других полисов Греции. В некоторых полисах мы находим «ойкосный принцип» в политической организации: только глава домохозяйства (ойкоса) имеет политические права, даже его взрослые сыновья отстранены от политической жизни. <...>

Наконец, в Древней Греции существовали политические системы, где величина участка земли определяла и объем политических прав. Так, согласно Солоновой конституции², в Афинах низшие имущественные «классы» имели право лишь участвовать в народном собрании, для выполнения же

¹ Сисситии — совместные обеды в Спарте, проходившие за столами под открытым небом с одинаково скромной пищей (включая похлебку из бычьей крови) для всех.

² Конституция Солон упростила старое деление афинян по знатности родов на аристократию, торгово-ремесленный слой (демиурги) и бедноту, заменив его делением на «классы» в зависимости от располагаемого имущества: от землевладельцев, обладавших более чем 500 мерами зерна («пентакосиомедимнов»), до тех, у кого не было и 200 мер, — фетов, освобожденных от налогов.

полисных магистратур могли быть избраны только представители высших имущественных «классов». Поскольку размеры имущества исчисляли исходя из количества земледельческих продуктов, которые ежегодно давали земельные владения гражданина, бесспорно, что объем политических прав определялся величиной земельного участка. Аналогичная система наблюдается и в некоторых других полисах.

В связи с экономическим развитием полиса, ростом значения ремесла и торговли простая и непосредственная связь между земельной собственностью и правом гражданства нарушалась. В большинстве полисов политическими правами продолжали пользоваться и те граждане, которые в силу тех или иных причин лишились своего реального участка земли. Однако поскольку «принцип исключительности» продолжал действовать, эти граждане оставались потенциальными землевладельцами, ибо всегда имели право приобрести участок земли. В силу этих причин каждый гражданин по-прежнему стремился приобрести участок земли, даже если деньги для этого он заработал ремеслом, торговлей или ростовщичеством. Вообще владение участком земли являлось неперенным условием социального престижа. Очень показательна в этом отношении афинская практика, о которой сообщает Динарх¹: «Законы предупреждают каждого оратора и стратега, который стремится приобрести доверие народа, чтобы он обзаводился детьми в соответствии с законами, чтобы владел землею в пределах нашей страны и, предоставив в качестве залога все надлежащие гарантии, тогда уж и стремился руководить народом» <...>. Таким образом, в Афинах даже в период наивысшего развития ремесла и торговли, когда в народном собрании большинство составляли люди, занятые отнюдь не земледельческим трудом, старые концепции сохраняли силу: стратег должен был быть обязательно землевладельцем.

Крайне показательно и то, что в условиях кризиса полиса в IV в. до н. э. среди прочих проектов выхода из кризиса особой популярностью пользовалась идея, которую современные исследователи называют проектом восстановления «республики крестьян». Эта идея играла важную роль во всех концепциях, подчеркивающих политическую роль «среднего класса», ибо наиболее типичным представителем такого «класса» считался (и, видимо, был) мелкий земельный собственник-гражданин. Этот крестьянин-собственник изображался как естественный враг всех перемен, сторонник стабильности и порядка. Уже тогда было сделано справедливое наблюдение, связавшее воедино два факта: падение численности и значения среднего крестьянства в полисе и рост политической нестабильности в нем. Прославление крестьянства занимает огромное место во всей литературе IV в. до н. э. Ему отдали дань Еврипид, Аристофан, Ксенофонт², весьма положительна оценка крестьянина и у Аристотеля. <...>

Теснейшая связь гражданских прав с правом земельного владения всегда обладала жизненной силой в условиях существования полиса. <...> не

¹ Динарх — афинский оратор IV в. до н. э.

² Ксенофонт (ок. 430—355 до н. э.) — знатный афинянин, военачальник и писатель, автор слова «экономия».

случайно, что в период наивысшего подъема Афин одним из важнейших направлений политики этого могущественного полиса стало выведение клерухий¹, которые являлись не только афинскими гарнизонами в подконтрольных городах, но и средством превращения безземельных афинских фетов в землевладельцев и воинов-гоплитов.

<...> Ряд современных ученых настоятельно подчеркивают, что общей тенденцией развития античного полиса была эволюция в сторону демократии. Аристотель называет демократию своего рода конечной фазой в эволюции полиса <...>. Видимо, в этом действительно проявлялись общие тенденции полисной структуры. Это явление достаточно четко свидетельствует о генетических связях полиса с породившей его сельской общиной. Равенство граждан полиса первоначально не более чем равенство отдельных домохозяйств в рамках общины. Совершенно справедливо указывалось в литературе, что на всем протяжении античной истории основной экономической и социальной единицей внутри полиса было домохозяйство. <...> Членство в полисе и в более мелких структурных единицах различного характера (генос, фратрия, фила, дем) осуществлялось через посредство ойкоса. Основу экономического благосостояния каждого отдельного ойкоса составлял участок земли, поэтому ойкосная земля всегда имела важнейшее значение. Хотя власть главы ойкоса <...> была достаточно велика, в первую очередь потому, что именно он распоряжался землей, все же она не была абсолютной. <...> В глазах членов семьи и в глазах всего общества он скорее временный хранитель того, что принадлежало его ойкосу в прошлом, настоящем и будущем (если у него будет сын). Человек, продавший ойкосный участок земли, всегда вызывал неодобрение. Даже в позднее время, когда сделки с землей стали явлением обычным и многие участки земли легко и быстро переходили из рук в руки, сохранялось четкое разделение земли на «отеческую» и «благоприобретенную». Все посредствующие звенья между ойкосом и полисом имели чисто служебное значение, они не могли ущемить его самостоятельность.

Подобное положение сложилось в результате длительной борьбы демоса за свою эмансипацию. <...> В греческих полисах, как правило, демос — рядовые соплеменники — смог отстоять свою свободу. В Афинах уже со времени реформ Солона было запрещено эндогенное рабство, а последующие политические реформы практически полностью уравнивали в правах демос со старой знатью (евпатридами). Подобное развитие событий типично для многих греческих полисов, и его можно рассматривать как вариант решения проблемы, когда демос одерживает победу. Но даже в отсталых архаических полисах (типа критских), где твердо установился олигархический строй и полными политическими правами обладали только представители знати, называвшиеся «свободными», рядовые общинники, хоть и не приобрели полных политических прав, все же сохранили личную свободу и экономическую независимость. Зависимое же крестьянство составляло третий

¹ Клерухии (от «клере» — надел) — военно-земледельческие поселения, основанные греками в колониях для наделения землей бедняков или на территории союзных государств для контроля.

социальный слой — оно образовалось в результате завоевания дорийцами местного населения и, таким образом, также представляло собой группу людей, «внешнюю» по отношению к собственно дорийцам — пришельцам, составившим две первые группы внутри полиса.

<...> Своеобразным вариантом этого направления развития был спартанский путь. Видимо, можно согласиться с широко распространенным в современной литературе мнением: в ходе II Мессенской войны¹ в Спарте произошли серьезнейшие внутренние изменения, господство знати было сломлено и сформировалась «община равных». Жестокая система внутренней регламентации жизни граждан была порождена именно этой «революцией VII в.» и была ориентирована на сохранение единства гражданского коллектива, принципа несколько примитивного равенства среди спартиатов. Стабильность этого коллектива поддерживалась за счет эксплуатации илотов (и отчасти периэков), которые находились вне гражданского коллектива². Поэтому внутри собственно гражданства существовали отношения определенного равенства, опиравшегося на стабильное число клеров. Как отмечается в литературе, сущность спартанской олигархии заключается в господстве спартиатов над илотами и периэками, а не в господстве знатных над незнатными.

<...> Таким образом, можно думать, что общая тенденция развития полиса заключается в развитии демократического принципа, принципа равенства политических прав и обязанностей владельцев отдельных крестьянских домохозяйств — ойкосов. Для античного мира было характерно стремление ограничить возможности закабаления сограждан. Исключалась столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. <...>

В силу всего сказанного в любом полисе суверенитет принадлежал народному собранию, т. е. общине полноправных граждан. Именно в этом выражалась основная идея — полис прежде всего представляет собой коллектив граждан. В олигархических государствах очень важна была роль совета, но и там народному собранию принадлежало окончательное решение при обсуждении самых основных проблем (таких, например, как война и мир). <...>

В наиболее демократических полисах принимались особые меры для того, чтобы обеспечить активное участие граждан в политической жизни. В Афинах, в частности, этому способствовало введение оплаты за выполнение гражданских обязанностей, что должно было обеспечить участие в управлении делами полиса даже беднейших граждан. Система магистратур

¹ II Мессенская война (VII в. до н. э.) — освободительная война дорийского народа — мессенцев, покоренного Спартой. После 20 лет сопротивления активные повстанцы вынуждены были покинуть родину, оставшееся же население было превращено в илотов и распределено со своими земельными участками между спартиатами.

² Периэки — в Спарте лично свободное, но лишенное политических прав население, занимавшееся по преимуществу ремеслом и торговлей.

в подавляющем большинстве греческих полисов была организована таким образом, что они представляли собой простые исполнительные органы суверенного народного собрания: должностные лица избирались на сравнительно короткие сроки, были подотчетны народному собранию, действовали коллегиально. В политической организации общества в Греции достаточно отчетлива тенденция к возможно более дробному делению функций различных комиссий магистратов и к увеличению их числа. Причины этого крылись в двух обстоятельствах: 1) опасение, что какая-либо из них сосредоточит в своих руках большую власть (что может подорвать суверенитет народного собрания); 2) стремление к максимально широкому участию гражданства в непосредственном управлении делами полиса. В Афинах, например, наиболее полно это выявилося в системе организации гелиэи, которая включала 6000 граждан¹. Близкие формы существовали и в других демократических полисах. С точки зрения некоторых исследователей, основные различия между греческим полисом и латинской цивитас заключаются именно в различной роли магистратур. <...> В Риме очень рано появилась более четко выраженная собственно государственная система с концепцией особой власти сената и отдельных магистратов (особенно высших, для которых характерен *imperium*). Эта власть могла быть противопоставлена воле гражданства.

Другой стороной проблемы ойкоса как органической элементарной частицы полиса является проблема свободы. Она теснейшим образом связана с экономической структурой полиса и ойкоса. Ойкос, как уже отмечалось, в первую очередь домохозяйство крестьянина. Экономика полиса в принципе и огромного большинства конкретных полисов базируется главным образом на сельском хозяйстве, представляющем основную сферу занятий гражданина. Крестьянское домохозяйство по самой своей природе, особенно на ранних этапах развития общества, имеет тенденцию к хозяйственной замкнутости <...>. Автаркия, экономическая самодостаточность — одна из ведущих черт ойкоса. Для древних греков ойкос, который не мог обеспечить существование своих членов, вообще не заслуживал этого названия. В античности истинно свободным мог считаться только человек, экономически независимый от других. Поэтому автаркия выступала в качестве экономической основы свободы. <...> Экономическая автаркия была теснейшим образом связана с политической системой полиса (стремление к политической независимости полиса в целом и равенству его отдельных сограждан). Полис в целом выступал в качестве определенного единства суммы отдельных крестьянских домохозяйств — ойкосов. Таким образом, можно полагать, что одна из основных черт полиса — тенденция к демократии, правлению всего коллектива граждан в целом.

Эта особенность находила свое выражение в принципе суверенитета народного собрания. Точно так же в самой природе полиса заложена и тесно связанная с этим черта — своеобразие понятия свободы: истинно свобод-

¹ Гелиэя — народный суд; его деятельность включала контроль над высшими должностными лицами.

ным в рамках полиса может считаться только экономически независимый гражданин.

Наконец, еще одна характерная особенность гражданской общины — совпадение, более или менее полное, политической и военной организации полиса. <...> Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым самого существования общины определяет не только связь, но и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основы политической организации полиса. Гражданин-собственник одновременно является и воином, обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственности. Армия полиса в принципе являлась всенародным ополчением, служить в котором было долгом и привилегией гражданина. Общая структура полиса и формы его военной организации развивались в теснейшей связи друг с другом.

Еще древние авторы, в частности Аристотель <...>, отмечали, что в ранней Греции политическое господство в возникающих полисах принадлежало аристократии. Политическое и экономическое господство ее в значительной мере объяснялось и тем обстоятельством, что аристократия составляла ядро вооруженных сил — отряды воинов-всадников.

Следующая ступень развития связана с появлением в качестве основы вооруженных сил полиса знаменитой греческой фаланги. Появление фаланги вызвано было важнейшими структурными изменениями в полисе. Отныне основу вооруженных сил полиса составляли не ограниченные численно группы аристократов, а основная масса гражданства. Античная традиция считала, что строй фалангитов наиболее полно отвечает социальной структуре полиса. По всей видимости, так оно и было в действительности. Фаланга представляла собой наиболее адекватное отражение в военной сфере социальной структуры полиса того периода его развития, когда влияние аристократии в значительной мере сломлено, а процесс внутреннего развития еще не подорвал позиции среднего крестьянства.

Именно земельные собственники — главы ойкосов выступали в качестве воинов-гоплитов, стоявших в строе фаланги. Они были достаточно состоятельны, чтобы вооружиться на свой счет; легковооруженные отряды состояли из представителей низших групп гражданства — типа афинских фетов времени Солона. В сущности в это время народное ополчение представляло собой вооруженное народное собрание. Строй фаланги самим способом сражения, когда воин прикрывал щитом себя и соседа, а победа обеспечивалась только монолитностью строя, способствовал выработке чувства полисного единства. Фаланга была не только военным строем, не только проекцией в военную сферу социальной структуры полиса, но и социально-психологическим фактором огромного значения. <...>

Наконец, необходимо отметить, что и кризис полиса теснейшим образом связан с разложением его военной организации. Падение роли ополчения граждан и возрастание роли наемных армий — важнейший симптом этого кризиса. Наемник представляет собой новый социальный тип, уже мало связанный с почвой родного полиса, его ценностями и традициями. Наиболее ярко, однако, черты этого нового социального типа проявляются не в

рядовом воине, а в профессиональном командире наемных отрядов. Развитие наемничества, создание больших профессиональных армий порождали новый тип военачальника, не связанного с полисом: его судьба всецело зависела от его личного авторитета, его военных способностей и лояльности наемных отрядов, находившихся под его командованием. Все это позволяло ему использовать наемные силы для достижения личных целей. Примером людей такого типа может служить Клеарх, ставший тираном в Гераклее Понтийской с помощью наемной армии.

<...> Отмеченные выше особенности полиса как гражданской общины являются, с нашей точки зрения, фундаментальными, в них выявляются основные черты этого социального организма. Вместе с тем полис обладает еще и некоторыми другими особенностями, важными для понимания его сущности, но производными от этих основных, фундаментальных особенностей.

К ним относится прежде всего порожденная общинной структурой тенденция к простому воспроизводству общины как в экономическом, так и в социальном плане. Это касается не только отдельных членов коллектива, но и всего коллектива полиса в целом <...>

Эта особенность полиса находила многообразное выражение. В частности, отражением данной тенденции и вообще общинных отношений, а также своеобразным регулятором их служит система ценностей, выработанная полисом. Она характеризуется рядом своеобразных черт. Одна из них — концепция, согласно которой занятие сельским хозяйством, собственный труд на собственной земле представляют высшую ценность, основную добродетель гражданина. Иногда эта идея получала и более практическое, политическое воплощение. В некоторых полисах, например беотийских¹, граждане, занимавшиеся более четырех лет ремесленным трудом, утрачивали право заниматься земледелием.

<...> Для древнего грека в принципе труд в сельском хозяйстве не занятие, целью которого является производство товаров для обмена, торговли, а способ жизни, наиболее полно отвечающий природе, наиболее полно соответствующий той всеобщей гармонии, которая управляет миром. Поэтому занятие ремеслом и торговлей считалось если не зазорным, то, во всяком случае, гораздо менее достойным, нежели сельское хозяйство. Это четко сформулировал в «Экономике» Ксенофонт: «Действительно, занятие так называемыми ремеслами зазорно и, естественно, пользуется очень дурной славой в городах. Ведь ремесло вредит телу и рабочих, и надсмотрщиков, заставляя их вести сидячий образ жизни, без солнца, а при некоторых ремеслах приходится проводить целый день у огня. А когда тело изнеживается, то и душа становится гораздо слабее. К тому же ремесло оставляет очень мало свободного времени для заботы еще о друзьях и родном городе. Поэтому ремесленники считаются непригодными для дружеского сообщества и плохими защитниками отечества. А в некоторых городах, особенно в тех,

¹ Беотия — область с наиболее плодородной на территории Греции землей, граничила с Аттикой.

которые славятся военным делом, даже и не дозволяется никому из граждан заниматься ремеслами» <...>. Подобные мысли мы встречаем в «Политике» Аристотеля <...> и у многих других греческих авторов, они стали своего рода «общим местом» античной общественно-политической литературы.

Эти идеи — в той или иной мере — отражали реальную ситуацию, существовавшую в греческих полисах. Показательно, что даже в Афинах IV в. до н. э., в пору наивысшего развития товарно-денежных отношений, самого высокого подъема афинского ремесла и торговли, почти все афинские трапезиты¹ были рабами по рождению. Отрицательное отношение к богатству, особенно богатству, полученному в результате торговли или занятия ремеслом, стало одним из краеугольных элементов в политической философии греков. <...>

Система ценностей в полисе ориентировала общественное мнение на то, чтобы «для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины».

Поэтому полис был заинтересован в том, чтобы поддерживать хотя бы относительную гомогенность гражданского коллектива. Как чрезмерное богатство на одном полюсе, так и чрезмерная бедность на другом равно нежелательны. Широко распространенные в древности представления о наибольшей устойчивости именно «средних конституций», где власть принадлежит «среднему» классу, являются отражением именно этой стороны и социальной структуры полиса, и господствующей в нем системы ценностей. Полис как коллектив граждан производит определенное перераспределение богатств внутри гражданского коллектива. В греческих полисах обычной была практика литургий², возлагаемых на самых богатых граждан. В этом отражалось не только представление о полисе как верховном собственнике, но и тенденция к определенному выравниванию имущественных отношений. <...>

В силу всего этого идеология полиса имеет определенную традиционную направленность. Совершенно не случайно, что во всех областях жизни постоянно подчеркивается примат древнего, традиционного. <...> Описывая строительство Перикла³ в Афинах, Плутарх обронил следующие слова: «Тем более удивления заслуживают поэтому творения Перикла, что они созданы в короткое время, но для долговременного существования. По красоте своей они с самого начала были старинными...» <...>. Логика мышления очень

¹ Трапезиты (от слова «трапеза» — стол) — менялы-ростовщики в Древней Греции, нередко бывшие рабы-вольноотпущенники.

² Литургии — возлагаемые на самых богатых граждан полиса повинности, чрезвычайной из которой была триерархия — обязанность частных владельцев серебряных рудников на свои доходы сооружать и снаряжать для афинского флота триеры — суда с тремя рядами весел.

³ Перикл правил в Афинах (444—429 до н. э.), поощрял строительство (знаменитый храм Парфенон, здание для собрания картин (Пинакотека) и др.).

показательна — прекрасное также связано с древностью, т. е. и здесь налицо традиционность как важная составная часть духовного мира полиса.

Необходимо отметить еще одну особенность полиса. Представляя собой один из типов общинных структур, полис мог существовать — именно как полис — только при сравнительно небольших размерах гражданского коллектива и территории. Платон в «Законах» указывает, что его идеальный полис должен включать 5040 полноправных граждан <...>. Говоря о размерах полиса, Аристотель в «Политике» приходит к выводу, что как население, так и территория полиса должны быть «легко обозримы» <...>. Видимо, этими причинами объясняется и ярко выраженная в античном мире тенденция к строгому ограничению числа граждан. Рост населения полиса явно нежелательное явление, с которым необходимо бороться. Именно этими соображениями порождались некоторые очень строгие законы, например закон Перикла <...> об обусловленности афинского гражданства для каждого индивида происхождением от афинских граждан как со стороны отца, так и матери.

С нашей точки зрения, перечисленными основными особенностями исчерпывается сущностная характеристика полиса. Воздерживаясь от четкого определения, мы ограничимся тем, что перечислим их, что, конечно, не заменяет определения, а дает только сумму признаков. <...>

Полис — сравнительно небольшая — от нескольких сот до нескольких тысяч человек — община граждан, основное занятие которых — земледелие, база экономики полиса. Граждане совместно владеют землей, часть которой находится в коллективной собственности, а часть разбивается на наделы, отводящиеся главам семей. Семья, домохозяйство — основная структурная единица полиса. Глава ойкоса представляет перед общиной интересы его членов; он обязан заботиться о том, чтобы его наследники получили семейное имущество не только в полной сохранности, но и приумноженным. Поскольку община выступает как верховный собственник земли, ее высший орган — народное собрание, в котором могут участвовать все граждане, достигшие определенного возраста. Вооруженные силы общины составляет народное ополчение, по сути равнозначное народному собранию. Граждане считаются политически и юридически равноправными и <...> имеют право на получение земельного надела, а в случае нужды — на материальную поддержку общины. Порабощение граждан категорически запрещается. Исключается столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объединения могут существовать, но не играют (как в ряде других докапиталистических обществ) роль промежуточного звена между гражданином и государством. Связь между тем и другим была непосредственной.

В гражданской общине существовала своя система ценностей. Сам полис сограждан был высшей ценностью. Противопоставление личности обществу, индивида коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. Земледелие

рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные занятия осуждались, осуждалось и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Гражданская община стремилась регулировать уровень благосостояния граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего гомогенности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной гражданским коллективом, важное место занимали традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном состоянии.